

A movie poster featuring a man and a woman in a romantic setting. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a dark suit over a white shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a dark red dress. They are both looking towards the camera. The background is a warm, dimly lit interior with soft lighting and bokeh effects.

АСЯ ПЕТРОВА
СЕЛИН СААДИ

ИЗМЕНА-
БОЛЕЗНЕННЫЙ
ШАГ К ПРАВДЕ...

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТЕНЬ ПРАВДЫ

Ася Петрова
Селин Саади
Предательство. Тень правды

<https://litres.ru/74213399>

Аннотация

— Я люблю тебя, Марьяна... Я все исправлю, обещаю.

— Исправишь?! — всматриваюсь в его лицо и не верю в услышанное: — Яр, ты изменил мне и не скрываешь этого.

— Да, и я признаю ошибку. Но тебе не стоит заикливаться на ситуации... Это другое.

Похабное видео от любовницы непрерывно проигрывается в его телефоне и ярко подтверждает слова об измене. Неверность мужа после двадцати лет брака запускает цепочку событий, которые в пух и прах разнесут нашу, как я думала, тихую семейную жизнь.

Героев ругать можно, авторов нет)

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ♥#

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Визуализация. Главная героиня	16
Визуализация. Главный герой	17
Глава 3. Ярослав	18
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6. Ярослав	33
Глава 7.	38
Глава 8. Ярослав	44
Глава 9.	49
Глава 10. Ярослав	54
Глава 11.	59
Глава 12. Ярослав	64
Глава 13.	69
Глава 14.	74
Глава 15. Ярослав	80
Глава 16.	84
Глава 17.	90
Глава 18. Ярослав	94
Глава 19.	99
Глава 20.	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Глава 1.

Работа до позднего вечера выматывает так, что руки сводит от количества заполненных документов. Сегодня адовый денек, по-другому не скажешь.

Нас уже давно перевели на заполнение карточек пациентов в системе здравоохранения города, все как у нормальных людей, в облачном сервисе, но бюрократия никуда не делась, поэтому неважно, что все хранится на компьютере, тонну бумаг приходится каждый раз заполнять и относить к главврачу. Она деспотичная женщина, своенравная и жутко принципиальная. Меня уважает как доктора, но никаких побряжек не дает никому.

Выхожу из клиники, устало иду до машины и попутно бросаю мужу сообщение в вотсапе, чтобы заказал ужин, потому что на готовку сегодня нет уже времени и тем более сил.

Ярослав тут же секунда в секунду отписывает “Ок”. Выдыхаю, запрыгиваю в салон любимой темно-синей Вольво, хлопаю дверь и даю себе немного времени побыть в тишине. Одна. Сама с собой.

Мыслей нет совсем, вымотана и опустошена. Мне даже кажется, что у меня случилось выгорание, я каждое утро встаю на работу с тяжелым сердцем, нехотя собираюсь, перестала завтракать, поэтому мои мужчины завтракают отдельно, без меня, я приезжаю на работу за пять минут до начала рабо-

чего дня, хотя для врача — это непозволительная роскошь.

Может отпуск взять? Или уволиться?

Знакомый, с которым мы учились, предлагал мне, чтобы я перешла работать в частную клинику. Там новое классное оборудование, передовые технологии. А в нашу клинику ничего не попросишь, я уже дважды за год писала заявление, чтобы нам завезли лазеры из Кореи, они не просто топовые, они сейчас на первом месте во всем мире. Мы могли бы еще больше пациентов принимать и делать счастливыми, чтобы они могли увидеть наш прекрасный мир новыми глазами. Но увы, мои два заявления приняли, но не взяли в работу вообще.

Я перестала злиться на эту систему, но жутко от нее устала.

На автомате доезжаю до дома, мальчишек еще нет. Сева скорее всего в тренажерном зале, а младший... Еще одна головная боль. Как только ему стукнуло шестнадцать, он решил, что достаточно взрослый для того, чтобы вести себя как говнюк.

И пускай про собственного ребенка так нелестно говорить, но и отрицать тот факт, что это правда, я не могу. За последний месяц два привода в полицию за разбой и мелкое хулиганство. Он начал курить, пьет пиво, оценки в школе оставляют желать лучшего.

Ярослав разбаловал его. Да, не я. Муж. Он дал слишком много свободы такому характерному мальчику. Слиш-

ком много спускал с рук, являясь для сына авторитетом. Теперь мы имеем, что имеем.

И сердце рвется на куски из-за переживаний за сына, потому что он совершенно неконтролируемый: хамит и на любое замечание огрызается.

Дома меня встречает тишина, Ярик точно уже приехал, я видела в паркинге его машину. На кухне стоят черные картонные пакеты из нашего любимого семейного ресторана. Опуская голову внутрь, ловя ароматы вкусной еды. Наконец желудок за весь день дает о себе знать, сигнализируя о голоде.

— Яр! Я дома.

Захожу в спальню, мужа там не нахожу, зато слышу звук льющейся воды. Понятно. Значит в душе.

Позволяю слабость, заваливаюсь прямо на кровать в юбке и блузке, мну одежду под собой, раскидывая руки в стороны. Позвоночник вытягивается, позвонки в шейном отделе похрустывают. Делаю глубокий вдох и выдох.

Надо просто решиться и написать заявление об увольнении... Это не так сложно. И пускай я пятнадцать лет не меняла место работы, это не значит, что я не могу сделать этого сейчас. У меня большой опыт, я точно не останусь без денег... Черт, но почему же так страшно сделать этот самый шаг?!

Словно в неизвестность.

Тру глаза, тушь слегка растирается, но я все равно смою

всю косметику, как только ванная комната освободится.

У Яра пиликает телефон без остановки, его работа предполагает быть на связи двадцать четыре на семь. Высокая должность и огромная ответственность, не знаю, как у него получается все держать под контролем.

После седьмого пиликанья, звук становится главным раздражителем. Вскрываю с кровати, чтобы отключить его в телефоне. Жму на боковой панели кнопку вниз, и он восьмой раз дает о себе знать.

Я никогда не читаю сообщения в телефоне мужа. У меня даже в голову мысль не приходила, что я имею право залезть в чужой телефон и что-то там посмотреть. Я так никогда не поступала ни с мужем, ни с сыновьями.

Поэтому я просто должна положить смартфон обратно на место. Но не могу.

Рука дергается. На экране в мини-варианте уведомление от некого Павла. Только характер сообщений совсем не мужской.

“Зай, смотри как я играю с киской... Она мокрая для тебя!”.

Мазохистка. Я мазохистка. Потому что я нажимаю на уведомление, ввожу пароль, как иронично, что это дата нашей свадьбы. Смотрю видео, где яркая молодая брюнетка ласкает свою вагину, с громким стоном погружая два пальца внутрь себя.

Следом она шлет серию фотографий своих сисек, задни-

цы.

“Это был ахуенный секс, зай. Меня так сзади еще никто не ебал, только в следующий раз не забудь презервативы. Люблю тебя”.

На этом я заканчиваю пытку, усмехаюсь, отмечая, что слез нет. Нет ничего. Только пустота внутри. И то состояние, что преследовало меня весь день, еще больше накатывает и берет полностью власть надо мной.

Дергаю ручку ванной комнаты, которая с легкостью поддается. Яр стоит напротив зеркала в одном полотенце, плотно обтянутым вокруг его бедер, похлопывающими движениями наносит лосьон после бритья на скулы, от чего стоит стойкий запах мужского одеколona, который перемешивается с влажностью после душа.

— Марьяш, — улыбается мне. Тянется за поцелуем, оставляя легкое касание на губах, — Как прошел день?

Он даже не замечает, что я в руке держу его телефон. Большой палец случайно касается экрана, видео вновь воспроизводится, заполняя ванную стопами девушки и хлюпающими движениями ее вагины.

Поднимаю взгляд на мужа. Он смотрит прямо на меня.

— Скажешь, что это не то, о чем я думаю? — усмехаюсь.

— Нет, Марьяш. Не скажу.

Если вас заинтриговала история, поставьте, пожалуйста,

♥#

Можно еще и на авторов подписаться, но это все по же-

ланию)))

История обещает быть очень эмоциональной и сложной!

Глава 2.

От спокойствия в его тоне невольно застываю.

Смотрю в глаза, а он похлопывает свой подбородок и скулы, а затем и вовсе отворачивается к шкафу над раковиной, и поставив лосьон обратно, закрывает дверцу.

В ожидании ответа наблюдаю за его обыденными действиями, но он и не думает продолжать диалог. А я чувствую терпкое разочарование, что медленно, но мощно придавливает меня к полу. Так, что не сдвинуться с места.

— Это все? — изумленно подаю голос, сжимая его телефон в своей руке.

Ощущение, что мозг не понимает какой сигнал надо включить, чтобы вызвать эмоцию, и потому я продолжаю просто стоять в оцепенении.

— Ну что ты хочешь, чтобы я сказал, Марьяна? — наконец, прислонившись к раковине, обращает на меня свое внимание.

Качаю головой с какой-то дурацкой усмешкой на лице. Я даже не могу понять, как себя вести сейчас.

Двадцать лет совместной жизни все таки не малый срок. И возможно, нет той пылкости и азарта, однако, я совершенно точно не ждала подобных финтов от него.

— Хочу, чтобы сказал правду, — парирую в ответ: — И надеюсь, после твоей измены у тебя нет мыслей, что все оста-

нется как есть...

Последнее я даже с долей иронии добавляю.

Это ведь абсурдно думать, что наша жизнь останется прежней.

Даже несмотря на то, что мне казалось, наш брак не имеет срока годности.

Лицо Ярослава меняется, и он теперь уже хмурится. Нет былой констатации факта, что молодая шлюха, с которой он развлекался, очевидно же, ждала его. Лощеного, пахнущего лосьоном и парфюмом, готового для своих сексуальных подвигов. А мы бы в это время, полагая, что он на встрече, ужинали с сыновьями, пока он там «успокаивает» эту девицу.

— О чем ты?! — наконец, подает голос Ярослав: — Никакого конца не будет, родная, — уверенно заявляет: — Этот исход, в целом, неизбежен, не так ли, Марьяна?

Хмуро всматриваюсь в него и прищуриваю глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?! — скрещиваю руки на груди, переминаясь с носков на пятки.

Хочу услышать прямой и правдивый ответ. Даже не так, я готова требовать правду, как толику уважения к нашему союзу.

— Мы столько всего прошли, а я люблю тебя. Глупо будет... — спокойно излагает он будто я идиотка.

— Глупо?! — перебиваю с истеричным смешком: — Ярослав, ты предал нашу семью!

Я качаю головой, и хочу уже уйти из ванной, но Яр хватается

меня за руку и прижимает к своему, еще влажному, телу.

— Малыш, — он поглаживает ладонью мои волосы, и я чувствую его глубокий вдох в районе макушки: — Ты моя судьба, — шепчет он, сковывая в своих объятиях.

А мне в одночасье становится тошно. Словно сейчас его рука сжимает горло, не давая кислорода. При всем при том, эта рука по локоть в грязи.

Стойкое ощущение мерзости, как будто ты зашел в дом человека, который не отличается чистоплотностью. Как физической, так и моральной.

Наша жизнь, и впрямь, была полна разных ситуаций, но Ярослав являлся для меня надежным партнером по жизни. Человеком, способным все контролировать, решать, оберегать и любить.

А сейчас, я будто в коконе лжи и разочарования.

Помню, как мы радовались, когда сначала появился первый сын, а затем, спустя четыре года родился второй. И тоже мальчик.

Эти мгновения сейчас мелькают перед глазами, как картинки чужой жизни. Слезы счастья в глазах этого мужчины и необъятные чувства в моих.

С той же яркостью проносится, как он однажды вернулся с работы в нашу старую квартиру с бутылкой вина и красным бантом на ней. Его глаза горели, а муж был на таком подъеме, что невольно я и сама заряжалась этими эмоциями. Это был день, когда его повысили в должности. Тогда он гордо

заявил, что стал директором по развитию проектов в компании телекоммуникаций, в которой работает и по сей день.

И теперь...двадцать секунд похабного видео стерли напрочь былое счастье, уважение и благодарность за нашу красивую жизнь.

— Ярослав, — глухо отвечаю, в то время как от эпизодов прошлого кружится голова: — Мы разведемся. Я не стану...

— Тшшш, — он снова проводит рукой по моим волосам и я даже чувствую касание губ на моей шее: — Марьяш, ты же должна понимать, что работа в государственном заведении не обеспечит тебе тот уровень жизни, к которой ты привыкла... — его тон сейчас даже не задевает.

Напротив, я удивлена, что он считает именно это первым пунктом, который может меня волновать.

Разве я вообще хоть когда-нибудь заикалась о деньгах? Во что он превращает нас?

Не скрываю горький смех, как реакцию на его слова, и, наконец, отталкиваю его руки, вырываясь из удушливых объятий.

— Нет, — качаю головой: — Ты можешь ехать к своей модельке, я отпускаю тебя. Официально.

Выдаю это уверенно и прожигаю мужчину решительным взглядом, а дальше выхожу из ванной в спальню.

Часто дышу и мотаю головой все еще не способная уложить это все в своем сознании.

Я даже мысли не допускала, что до этого дойдёт в нашей

жизни.

Да, наша любовь, это не водопад чувств и эмоций. Да и мы уже не в том возрасте, чтобы позволить себе эту роскошь.

Однако, он всегда одаривал вниманием, теплыми словами и поступками, окутанными любовью и искренностью. А мы с детьми в ответ старались сделать приятное ему.

У нас хорошая семья... И я не могу сообразить в какой момент что-то встало в сложном механизме семейного быта. Не было никаких предпосылок, все стабильно.

Мозг накаляет собственное состояние, все еще подкидывая эпизоды прошлого, а я под гнетом личной катастрофы грузно опускаюсь на кровать, откидываю голову к потолку.

— Я не смогу оставить тебя, Марьяна, — он появляется в спальне спустя пару минут: — Обещаю, это в первый и последний раз.

Так и не меняя позы, с губ слетает тихий смешок.

Глубокий вдох носом, а к привычному чувству опустошения добавилось крепкое разочарование.

Горькое, болезненное и непреклонное.

Правда, как и всегда, в моей жизни нет времени на то, чтобы страдать. А точнее, нет никакого желания впадать в апатию с громким “почему”.

Посылаю взгляд в Ярослава.

Он стоит у стены, неподалеку от гардеробной. Уже одетый в домашнюю одежду, и явно нацеленный на компромисс.

Видимо, после того, как я оставила его в ванной, сообщил

бедняжке, что у них отмена.

Выключенный свет и подсветка, пущенная по потолку, должна бы создавать интимную обстановку, но сегодня она мрачная и гнетущая. А мы, на расстоянии трех метров, смотрим друг другу в глаза и, кажется, что эта дистанция молниеносно растет, удаляя нас друг от друга все дальше и дальше...

Визуализация. Главная героиня

Антипова Марьяна Михайловна, 40 лет
Врач-офтальмолог

Визуализация. Главный герой

*Антипов Ярослав Дмитриевич, 45 лет
Директор по развитию проектов
в компании телекоммуникационных сетей*

Глава 3. Ярослав

— Любимый, — Полина обвивает мой торс сзади, прижимаясь грудью, прикрытой шелковым халатом, ее руки лезут под джемпер. Ноготки проходятся по жестким волоскам, задевая их и пуская разряд тока по всему телу. Мне нравятся ее ласки, я за этим сюда и прихожу. Сука, каждый раз, — Ты будешь кушать? Я приготовила очень вкусный салатик, еще запеканка.

— Я дома поел.

— Жаль, я очень старалась, — она обиженно выдыхает, потому что каждый раз пытается меня удивить, пытается сделать все по высшему разряду. А я просто прихожу, беру своё и ухожу. Веду себя, как скотина, но что поделать. Полина любит меня, а я глотая куски этой любви сполна, — Стояла у плиты два часа. Там очень много еды, Ярик, я столько одна не съем.

— Поль, — останавливаю ее, — Пососи лучше.

Разве джентльмены так поступают с женщинами? Отнюдь. Но я задвигаю свою совесть куда подальше. Если она не сработала с Марьяной, то тут и подавно нет смысла искать ее.

Она покорно кивает, обходит меня и встает напротив. Кладу руки на сочную задницу, сминаю ткань халата, оголяя ягодицы. Смачно ударяю по правой булке, а после до красноты скручиваю нежную сливочную кожу. У нее с губ сры-

вается стон, девушка запрокидывает голову назад, опускает руки на пояс от халата, и вся шелковая ткань падает к ногам. Поля садится на колени, перед этим оставляя короткий поцелуй на моих губах, умело справляется с пряжкой ремня на серых брюках. Приспускает их вместе с боксерами, член тут же ударяется головкой об ее подбородок.

Откидываю голову на спинку кресла, позволяя играть с моим органом, как ее душе угодно. Поля сначала кончиком языка обрабатывает розовую кожу на головке, а после, когда член уже совсем набухает, заглатывает почти до самого основания. Рычу, сжимая ее волосы в руке. Задаю темпе, наращивая его. Мне нравится биться концом о края горла, там супер горячая и нежная кожа.

Щеки Полины раздуваются, по подбородку вниз стекает вязкая слюна. Она выпускает изо рта член, набирает в легкие воздух, и я снова насаживаю ее блядский, красивый алый рот на свой член.

Долблюсь сильно, вызывая окающие звуки у нее, пошлые и грязные, но, сука, такие заводящие. Секунда проходит, я снова бьюсь головкой о гланды, а после изливаюсь чуть ли не прямоком в трахею, обильно кончая.

Отпускаю ее, рвано дыша. Перед глазами, после пелены, выступает образ Марьяны. Вот моя совесть снова пришла. В тиски сжимает все нутро, я даже представить не могу, что буду жену ебать так в рот. Хотя я чертовски люблю минет, обожаю грязный секс. Но Марьяна для меня всегда была осо-

бенной, никогда не хотелось ее впутывать в эту грязь.

По итогу впутал по самое не хочу. Горло спазмирует, словно это мне только что долбили членом внутри. Потирая подбородок, с силой сжимаю скуловую кость, лишь бы отвлечься.

— Я люблю тебя, Ярик.

Поля так часто говорит эти слова, что они стали для меня уже обыденностью. Но приятно, честно, очень приятно.

— Марьяна увидела твоё видео и фотки, — тихо проговариваю, — Планирует подавать на развод.

— Ты серьёзно? — её глаза широко раскрываются, она спешно натягивает клочок ткани на своё шикарное тело, — Боже, я не хотела... Прости.

— Поль, не пизди. Хотела.

— Ты никогда не оставляешь телефон на видном месте... Яр, я правда не специально. Да, я люблю тебя, — повторяет сладкие слова, — Да, мечтаю, что ты её бросишь и будешь только со мной. Но я не дура, отдаю себе отчет, что ты здесь для секса. Я сама подписалась на эти условия. Я не дрянь, чтобы пытаться привязать тебя таким способом. Ты всё равно уйдёшь от меня к ней...

— Уйду, — хватаю за руку и дергаю девушку на себя. Она садится сверху на член, обволакивая гладкими половыми губами его. Аккуратно растирает свою влагу по нему, двигая бедрами, чтобы снова поднять бойца, — В любом случае я ей развод не дам. Я очень люблю жену.

В ее глазах вспыхивает обида, которую она прячет, думая, что я замечаю. А я всегда все замечаю. Просто специально никак не реагирую, чтобы она не думала, что я привязан к ней как-то эмоционально.

— И я ей обещал, что больше никогда к тебе не приду.

— Но ты пришел...

— Пришел, — усмехаюсь невесело. Себе признаться во многом боюсь, другим то подавно. Член дергается, оповещая о готовности. Приподнимаю Полину за бедра и насаживаю, уютно устраиваясь внутри пульсирующего лона, — И еще приду. Только будем осторожны, не присылай больше ничего. И не пиши. Я сам буду по необходимости.

Знаю, что ублюдок. Понимаю и осознаю. Только с Полиной получается унять тупую ноющую боль, с которой живу, мать его, двадцать лет, питая себя каждый день надеждами и иллюзиями.

Поля начинает прыгать на мне, снова халат слетает с ее плеч. Хватаю зубами сосок, вбирая темно-коричневую ореолу внутрь рта и катая горошинку на языке, ебу ее жестко, насаживая на себя с громкими шлепками и хлюпающими звуками. И в порыве огня забываюсь.

Супер. То, что надо. Отключить голову.

Глава 4.

— Катя, в связи с тем, что ваша роговица истончилась, вероятнее всего в лазерной коррекции вам откажут, — озвучиваю пациенту, рассматривая показатели после диагностики.

Все действия на автопилоте, а мысли не отпускает ситуация, что происходит в моей жизни.

— А как тогда? — молодая девушка в замешательстве сидит передо мной и хлопает глазами.

— Вам смогут предложить рефракционную замену хрусталика. Ценовой диапазон сильно выше, но если вы хотите избавиться от близорукости, то мультифокальная линза решит эту проблему раз и навсегда. Как и возрастную дальнозоркость в будущем, в том числе.

Смотрю на нее, понимая, что сделать такую операцию качественно она все равно сможет только в офтальмологической клинике. А визит ко мне - это проверка динамики, как и у всех пациентов.

Вновь мысли о том, что я явно застряла в стагнации кружат над головой, пока девушка достает шоколадку и кладет мне на стол.

— Спасибо вам большое, что согласились принять без записи, — она улыбается вежливой и благодарной улыбкой.

Моя постоянная пациентка, которая желает видеть мир чистым взглядом.

Киваю, и отмахиваюсь, но она как обычно быстро убегает, бросив напоследок пожелание хорошего дня.

Перевожу глаза на стол, на котором лежит кипа бумаг и журнал пациентов, который мы до сих пор ведем вручную.

Идея пойти на повышение категории, что как раз поспособствует успешной аккредитации кажется все более завлекающей. Получить вторую категорию, выбрать направление и более узкую специализацию в хирургии, пройти курс...и устроиться в частную клинику, что нацелена на деньги.

Чем не хороший план?

Да, это не быстрый процесс, может занять целый год, с учетом практики и дополнительного обучения. Но я ведь давно думала об этом, к тому же это то, что действительно меня интересует в моей профессии.

Да и врачи учатся столько, сколько могут себя называть таковыми.

Откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза.

Мысли сами собой хаотично двигаются в потоке, и главное, среди этого, что домой совершенно не хочется. Хотя, я всегда чувствовала себя там уютно и безопасно.

До конца смены еще пара часов, что оставлены без живого приема.

Массирую виски, пытаюсь расслабить напряжение, которое кажется застыло в каждой мышце после разговора с Яриком.

Открываю глаза и взгляд невольно ведет на подоконник,

на котором стоит огромный букет цветов.

Красивый.

Только отдает горечью и разочарованием.

Его доставили через минут сорок после начала смены, а записка гласила единственное “прости”.

Вдыхаю носом, потому что вроде бы и нельзя подобных выходов, но я закрыла букет жалюзи, а ширина подоконника позволяет спрятать его от посторонних глаз. И если уж на то пошло, то медицинский прием проводится в отдельном помещении.

Беру телефон в руки, проверяя пропущенные вызовы. В связи с работой мое средство связи живет беззвучной жизнью, и окружение, пожалуй, привыкло.

Замечаю пропущенный от Севы. Но как только я собираюсь ему позвонить, он сам снова объявляется.

— Сынок, — с улыбкой говорю ему: — Прости. Был пациент.

Всеволод, это... Я даже не знаю, как уложить в один эпитет характер старшего сына. Он настоящий мужчина, несмотря на то, что ему всего лишь двадцать.

Да, бывает импульсивным, но чаще это объясняется его точным определением. И когда ты слушаешь его мысли, понимаешь, что этот парень иначе отреагировать не смог бы. Так он видит и чувствует этот мир, и вместе с тем, он принимает точку зрения другого человека. Не пытается подстроить каждого под свои убеждения.

— Да понял я, Ма, — усмехается он в трубку: — Я звонил сказать, что уеду на несколько дней, но успею сегодня вас навестить.

Хмурюсь, обычно он заранее сообщает о своих событиях и мероприятиях.

— Все в порядке? — тревогу не выдаю, но материнское сердце, даже когда ему стукнет сорок, будет биться чаще.

Хотя, и не могу сказать, что он, как многие мальчики в детстве не отрывался от моей ноги.

Скорее, я не понимала, как быть матерью в свои двадцать, а он не понимал этот мир. Вот мы и изучали друг друга, наращивая нашу связь, но не превращая ее в театр абсурда. Впрочем, с Ильей не вышло. Младший не давал мне даже шага сделать, настолько ему нужно было внимание и поцелуи в попу.

Неожиданно, страшно, и неизвестно.

Вот как я себя чувствовала, узнав о первой беременности, но в отличие от меня двадцатипятилетний Ярослав четко понимал, куда мы движемся. И в какой-то степени, это то я и не могу отпустить, чтобы без должного разговора и обсуждения дальнейших действий, подать на развод и разорвать наш брак.

— Ма, ну мне же не шестнадцать, — сын смешком возвращает меня в реальность: — Да и я не Ильяха, — в конце еще и добавляет.

Чуть ли не закатываю глаза, потому что Сева ощущает

разницу. Да, чего уж там, ее не увидит только слепой. Но ведь мы все разные и подход к каждому индивидуальный, хотя, и согласна с нашим старшим, что Яр где-то перестарался.

— Так, — он громче смеется на мою угрозу, и тут же отшучивается: — Ладно, деньги нужны? — спрашиваю, потому что несмотря на то, что у него есть карта, на которую отец им ежемесячно переводит суммы на карманные расходы, я всегда интересуюсь.

Я конечно, сомневаюсь, что муж решит вдруг нарушить свою традицию...но, учитывая положение вещей, надо рассмотреть любые варианты.

— Да, все пучком. Ждите, вечером заеду, — он не всегда ночует у нас.

А точнее, остается в своей студии, которую мы ему подарили на восемнадцать лет. Да, это был серьезный шаг, и честно сказать, мне было сложно отпускать. И тем не менее, в своем сыне я уверена. По крайней мере, наше воспитание не должно было пройти мимо.

Хотя, вот у Ильи период, когда кажется, что он вообще рос беспризорником.

— Отцу скажешь, ладно? Я звонил, он не берет.

Сглатываю ком в горле, потому что мозг тут же отвечает на слова сына.

— Он наверно занят, Сев, — сознание с издевательской усмешкой тут же подкидывает кадры той, готовой для моего мужа, девицы.

Мы еще перекидываемся парой фраз и Сева просит разрешения взять мою машину, потому как его авто в ремонте.

Думаю, что первопричина звонка именно это.

Качаю головой, все же позволив вечером забрать ключи, и отключаю звонок.

А сама смотрю на контакты, где значатся недавние вызовы.

С несколько минут раздумывая, все же нажимаю пальцем на контакт Ярослава на сенсорном экране. Глубоко вдохнув, я слушаю протяжные и нарочито громкие гудки. На восьмом звонок переходит на автоответчик, а я закрываю глаза, стараясь унять ощущение потери в груди.

Возможно это просто случайность, и он занят. А возможно и нет...

Визуализация любовницы

Полина Александровна Краснова, 28 лет

Продавец-консультант в магазине косметики

Телеграм-канал ♥# <https://litnet.com/shrt/VSK5>

Там спойлеры новых глав, анонсы и новости о скидках/новинках)

Глава 5.

— Привет, — Ярослав опускает губы в районе ключицы, заключает меня в объятия со спины, а я, не желая сейчас телесного контакта, выбираюсь из крепкого кольца рук, нервно поправляя волосы, — Обижена все еще?

— Обижена? — в шоке распахиваю глаза, а потом тут же гашу поднявшуюся внутри злость, — Это не совсем так называется, Ярослав. Обида здесь не во главе стола.

— Я же извинился, Марьян! — со звоном ставит стакан с водой на мраморную столешницу, которая ему никогда не нравилась, но он пошел на уступки, потому что я до дрожи в пальцах хотела именно ее. А теперь я испепеляю глазами дно стакана и жду, когда от удара по этой столешнице пойдет трещина. Ровно такая же, как пошла у нас в браке, — И закончил с ней отношения. Кстати, ты получила цветы? — осматривается по сторонам, но не находит их.

— Получила, — киваю головой как болванчик, — Остатки на работе.

— Ясно. Давай поговорим, Марьяш. Я чувствую себя убогим и полностью осознаю, что натворил. Но, блядь, то был секс, а тебя я люблю... Вернее, Марьян, — сам осознает, что каждое слово звучит комично, как не крути, вывод один: полный абзац, — Ты не представляешь, как мне тяжело осознавать, что я натворил. Но ты единственная моя любимая

девочка, мне другой не надо. Может у меня кризис?

— Вы мужчины удобно прикрываетесь своим кризисом, чтобы обелить блядство. Яр, может все-таки разведёмся? Я кручу в голове ситуацию, и если честно, не нахожу в себе силы принять измену. Под каким соусом ты ее не падай, мясо жесткое и пахнет душком.

— Детка, — снова сближается, опускается на колени, целуя мой живот, — Я не смогу без тебя... Это невозможно. Ты — мой смысл жизни, я только с тобой хочу.

— Ох, черт... Ярик, — насилую взглядом потолок, рассматривая люстру, за которую мы отвалили пятьсот тысяч. Ладно не мы, Ярослав. Но он всегда говорил, что его деньги — это мои деньги.

— Давай все забудем, хорошо? Я сделаю все, чтобы ты никогда не вспоминала об этом инциденте, чтобы это стерлось из твоей памяти. Марьяш, в моей жизни только ты имеешь смысл.

Прикрываю глаза, выдыхая... Я не из тех, кто рвет разом, но и не из тех, кто умеет на такое закрывать глаза. И как быть? Что делать то?

— Яр, встань, — тяну мужа вверх, — Есть кое-что еще, что я хотела бы обсудить.

— Да, — поднимается на ноги, берет в свои руки мое лицо и проникновенно смотрит в глаза, а я нахожу точку за его спиной, лишь бы не терзать себе душу, и луплю взглядом туда.

— Хочу уволиться.

— Ну и замечательно, — радостно восклицает, — Я тебе давно говорил, зачем такой красивой женщине работать. Зарплата у меня хорошая, я точно вас всех с легкостью вытяну. Да и пацаны скоро упорхнут из дома.

— Нет... Ты не понял. Я хочу уволиться и устроиться в частную клинику на более высокую должность. Устала от государственных учреждений, мне кажется, я выросла и достойна большего.

— Марьян, — хмурится, засовывая руки в карманы брюк. Отходит от меня, и я сразу отмечаю, что моя идея ему не по нраву. Вопрос только: почему? — Не думаю, что это нужно тебе. Ну куда ты пойдешь? Нужно повышать квалификацию сначала, как минимум.

— Я этим и собираюсь заняться.

— И? Дальше что? Малыш, если уж уходить, то в домохозяйство.

— Ярик! — рычу от злости. Почему нет поддержки от него? Какое к черту домохозяйство?! — Ты не услышал меня? Я не спрашиваю твоего совета, а ставлю перед фактом. Решение принято, я хочу карьерного роста. Просто поддержи меня и все. Без советов и нотаций. Мне кажется, ты сейчас находишься в положении, когда лучше поддержать меня, чем открывать свой рот, не так ли?

— Тон. Марьяна, сбавь тон.

Говорит тихо и вкрадчиво, но так, что я понимаю, что

ужасно его разозлила. Как интересно, что мне отчего то в эту секунду плевать на его злость. У меня карт-бланш. Его измена.

— Ярослав, я решила все для себя. Надеюсь, ты примешь это.

— И все же я не понимаю, зачем тебе...

Он только начинает говорить, как слышится хлопок двери, а следом голос старшего сына из коридора. Он зовет меня, потом отца. Потом нас вместе.

Мы с Яром вылетаем в коридор, я с ужасом открываю рот, прикладывая руки к груди, а Ярослав просто разочарованно машет головой.

— Мне позвонили пацаны и сказали, что он устроил дебош в баре. Ключи просрал, карточки тоже. Надо бы заблокировать, — Всеволод пытается усадить брата на пуфик, но тот безжизненным грузом падает на пол. Из его приоткрытого рта вытекает вязкая слюна, он что-то неразборчиво бормочет, — Принимайте, родители.

— Сынок, — опускаюсь на корточки, ероша влажную челку, — Ну зачем ты так?

— Мам, может хватит с ним сюсюкаться?

— Мы сами решим, без тебя! — Ярослав строгим голосом нападает на старшего, отчего мне становится жутко больно. Сева не виноват, что его брат вырос таким гаденышем. Виноваты мы с Яром.

— Ок, понял, — Сева поднимает руки вверх, мол, я умы-

ваю руки, и скрывается в своей старой комнате.

— Сынок! — кричу ему вслед, потому что мне очень больно. За них обоих.

— Марьян, потом разберемся! Сейчас нужно Илью уложить спать, — Ярослав поднимает сына за плечи и тащит в его спальню, я же бегу за водой, чтобы напоить и помочь справиться с алкогольной интоксикацией.

Глава 6. Ярослав

Скрестив руки, наблюдаю за тем, как Марьяша возится с Ильей. Он что-то бормочет в пьяном бреду, а я не представляю, что сделать.

— Марьяш, родная, оставь, — обращаюсь к жене, когда вижу с какой горечью она смотрит на зеленоватого сына.

— Завтра ты с ним поговоришь. Без твоих излюбленных предупреждений, ты накажешь его, — она оборачивается, а в глазах застыла такая решительность, что смешно становится.

Марьяна очень заботливая и дарящая тепло натура. Наверное, двадцать лет назад именно это я признал в первую очередь. Доброту и то, как меня разрывало от ее близости. Мне было крайне уютно с ней, я готов был горы сворачивать.

Да что же было...это и сейчас не изменилось.

Однако, это не отменяет пресности нашей жизни, и возможно, я могу понять причину... кризис, все дела. Да только это совсем не кризис.

У меня ведь, мать ее, внутри фейерверки на эту женщину, а у нее извечно глухая закрытая стена. Тем не менее, моя задача, как мужа уберечь ее от опрометчивых решений, и вернуть нашу жизнь.

Во что бы то ни стало.

Подхожу ближе, а когда аккуратно тяну ее за плечи, поднимая с кровати ребенка, заглядываю в глаза.

— Милая, — улыбаюсь: — Я уверен, он уже завтра поймет ошибку. Не надо нервничать.

Марьяна сдерживает мои руки.

И на секунду я даже готов вспылить в ответ, глядя в ее разъяренное лицо. Ощущение, что ей неприятно стоять здесь со мной, тогда как мне необходимо чувствовать ее, черт возьми.

— Хватит! Ему шестнадцать, Яр! Или ты говоришь с ним, объясняя последствия и показывая их наказанием. Или...

— Что?!

Перебиваю ее, а у самого крышу сносит от того, как она злится.

Это возбуждает, это мой чистый кислород в загрязненном воздухе. В этот момент ее добрые светлые глаза тут же прищуриваются, и она буквально превращается в решительную и необычайно сексапильную женщину.

Я питаюсь этими эмоциями, как безумец, что спустя бесконечные голодные часы получил, наконец, свою еду.

— Или это сделаю я без каких-либо поблажек. Ты хотел окутывать Илью любовью, в отличие от рамок в воспитании Севы. Вот.

— Боже, ну прекрати, — снова шагаю ближе: — Ну потушил с парнями. Вспомни свои годы... Да и наш старший, что не приходил пьяный?

Марьяна с каменной маской на лице даже и мускулом не дергает.

— Старшего мы поймали с поличным один раз. В восемнадцать... Ты меня слышал. Я не хочу однажды узнать, что шестнадцатилетний подросток валяется в канаве из-за отравления алкоголем или чего хуже.

Она резко выходит из комнаты, а я посылаю взгляд на Илью. Ладно, дружище, придется немного покаяться.

Потом с ним разберусь, сейчас надо приложить максимум усилий, чтобы она выкинула из головы эту ересь с разводом.

Слышу как вибрирует в кармане телефон, и достаю смартфон.

Сообщение от «Митрофанова Павла»:

«Дверь оставляю открытой, если ты захочешь ко мне вернуться...на десерт»

Сглатываю, прикрывая глаза, и шумно вздыхаю.

Я ведь просил ее не писать и не звонить.

Иду вслед за женой, потому как явно разговор не окончен, и она, учитывая характер, захочет довести все до конечной точки.

— Вы есть будете? — слышу голос Всеволода из кухни, когда появляюсь в гостиной.

— Нет, сынок, спасибо, — она отвечает, и я вижу, как оставляет постельное белье на диване.

— Не глупи, Марьяна, — хмуро реагирую.

— Пап, ты будешь? — вижу темную макушку сына, выглядывающую из столовой.

— Сев, — посылаю в него острый взгляд, предлагая, ис-

чезнуть.

Замечаю как резко и дергано Марьяна скидывает одеяло.

— Понял, — старший сын проходит мимо с тарелкой сэндвичей и чем-то еще.

— Родная, тебе будет неудобно, а у тебя смена... — снова шагаю ближе к жене.

Она вскидывает бровь, и скрещивает руки на груди.

— Мне?! Нет, — качает она головой: — Это твое место.

Блядь.

— Мы должны сейчас, в первую очередь, помочь сыну, — озвучиваю, глядя на нее и игнорируя ее слова.

Она отворачивается буквально на секунду.

— Тот факт будешь ли ты моим мужем или нет, не влияет на то, что ты их отец.

— Да, но...

— Ярослав, — она невозмутимо смотрит в ответ: — Мое мнение не поменяется. Я надеюсь, сейчас ты это понимаешь.

А дальше, оставив меня материться и откровенно удивляться ее стойкости, она молча выходит.

Стискиваю челюсти до хруста и сажусь на диван откидывая голову.

Мне нужно все исправить.

Мы просто не можем развестись, а она все еще не может отойти и яро демонстрирует, что все именно так и будет.

Но я не готов отпускать, она ведь мой тыл. Тот человек, что будет держать за руку и в горе и радости.

Я ведь всегда протягивал ей свою.

Шумно вздыхаю, пытаюсь усмирить буйство эмоций внутри. Вновь достаю телефон и кладу рядом с собой.

А перед глазами текст сообщения.

Занятно.

Есть место, куда ты вроде бы не хочешь, но тебя там ждут. И есть то, где ты не можешь не находиться — это твое все, но, увы, ты там не нужен.

Глубоко дышу, расслабляя ворот рубашки.

И все же думаю, что из гостиной выбраться проще и незаметнее, чем из спальни.

Младшенький

Антипов Илья Ярославович

16 лет, школьник

Мы с Селин его ласково называем “зубошлётник”))))))

Глава 7.

— Марьяна, ты рехнулась? — от крика на том конце провода я торможу посреди длинного больничного коридора, рука вздрагивает от неожиданности, и я чуть не роняю смартфон на кафель. И так состояние шаткое, потому что все утро собиралась с мыслями и написала таки заявление об увольнении. Вот сейчас смело, ну как смело, с грузом сомнений вышагиваю к главврачу, чтобы все подписали.

А тут Яр со своим криком сбивает весь настрой. Хотя... Звонок его не без оснований. Сегодня, в целом, день заявлений. И второе тоже далось мне с трудом, но так будет лучше. Не могу я иначе.

— Не кричи, — шикаю на него.

— Какой, мать твою, не кричи? Что за хрень мне пришла на телефон?

— Не хрень, а заявление на развод. Не могу я, Ярик. Понимаешь? Противно мне. Спать рядом с тобой противно, думать о том, что ты был с другой, тоже противно. Я пыталась найти в себе силы, какое-то логическое объяснение почему я должна принять и простить, не нашла. А кстати, почему?

— Потому что я люблю тебя, дуру. И у нас семья, — на том конце провода слышен звук бьющегося стекла, зажмурилась, понимая, что кулак мужа скорее всего пострадал. Есть у него такая привычка, бить стеклянные предметы в порыве

ярости, — Отмени развод.

— А ты измену свою отменить сможешь?

Интересно, почему он изменил... Разве у нас было все так плохо? Да, страсти не было, не было фейерверков, но мы никогда не поднимали эту тему. Мне всего хватало, а если ему нет, то почему не сказал?

— Я же сказал, что виноват. Что сожалею... Марьяш, я без тебя в удавку полезу.

— Манипулируешь?

Сто процентов именно это они делает. Одержим и помешан идеей быть со мной, а мне ничего не хочется. И так последнее время пустота внутри была, терзали воспоминания прожитых лет, а сейчас, когда уже все стало известно, то и вовсе ощущая себя призраком. Тело то есть, а все остальное где-то в астарльном мире.

И сильных эмоций нет. Боли, разочарования... Ничего нет. Может это просто шок, и меня потом накроет? Может зря я так спокойна... Я даже слезы на своем лице не нашла, разве такое бывает?

— Нет, я тебе серьезно говорю. Я одну женщину любил двадцать лет, ее и продолжу любить. Что ты устраиваешь? Надо, чтобы я на коленях ползал? Ок. Я буду.

— Ничего мне не надо! Это все цирк. Ты понимаешь, что не от большой любви трахают других? Ты все выдумал у себя в голове... Любил бы, не поступил так.

— Я корю себя. Я виноват. Не нужен нам развод, вот уви-

дишь, я все исправлю. решу все вопросы. Малыш, не могу я принять тот факт, что тебя не будет рядом. А как же Илья? Ему и так сложно, пацан отбилсЯ от рук, ты представляешь, что с ним будет, если он узнает о разводе? Мы просто потеряем сына.

Про сына я долго думала. Это был останавливающий фактор, крутила в голове, как правильно вообще в такой ситуации поступить. Сын и правда ходит по острию ножа, влипает в такие ситуации, что волосы дыбом встают. Он не такой, как Сева. Но я люблю их одинаково сильно. Просто не понимаю, почему Илья, имея все самое лучшее, так гадит.

Но ребенок не должен быть сдерживающим звеном, как бы я не любила Илью, у меня перед глазами вагина то девушки. И стоны ее в ушах звенят. Невозможно такое забыть и простить. Это как печать на сердце, шлепнул раз, а вывести уже невозможно.

— Илья взрослый мальчик, он справится.

— Ты сейчас не шутишь? Ты серьезно? — я слышу панику в его голосе. Устало прикрываю глаза.

Хочется простить, найти в себе силы, чтобы сохранить семью. Но их нет. Я слишком себя уважаю, чтобы пойти на такой шаг. Разочарована ли я в муже? Нет... Просто принимаю как факт, что мы одна из тех семей, кого время не пощадило. Отдалились, перестали делиться сокровенным. Как итог — измена и развод. Классический сценарий, пускай и такой болючий. Только боль притупленная, не как от резкого уда-

ра ножа, а как от старой раны, которая периодически дает о себе знать.

Хоть бы швы не разошлись, чтобы не загноилось.

— Не шучу, Яр. Отпускаю тебя.

— Я не хочу уходить...

Дальше не слушаю. Сбрасываю. Хоть так и делают незрелые личности, просто знаю, что он начнет давить, продавливать меня. Пытаться сделать так, чтобы я передумала. А я вот сегодня четко решила, что разведусь и уволюсь.

Начинаю жизнь с чистого листа. Пафосно и громко? А как еще надо? Не хочу тихой сапой, хоть разорвать, отодрать как прилипший пластырь к волоскам. С корнем и одним махом.

Яр продолжает названивать, пока я иду до кабинета главного врача. У двери выключаю звук, чтобы не раздражал. Яру нужно свыкнуться с мыслью, что я уйду. Чем раньше он это поймет, тем легче ему будет.

— Нина Карловна, я к вам.

Заглядываю внутрь кабинета, нахожу ее как обычно восседающей на своем ортопедическом кресле, словно на троне. Спина ровная, взгляд цепкий, губы тонкие, всегда плотно сжатые. Никогда не поймешь, в каком она сегодня настроении.

— Антипова, опять со своими бумажками? Марьян, ну говорила тебе уже, нет бюджета на твои корейские прибамбасы.

Да смирилась я уже, что нет. И не дождусь.

— Я с бумажкой, — юркаю в кабинет, — Но с другой, — под пристальным взглядом подхожу к столу, кладу лист формата А4, скольжу им по гладкой поверхности дубового стола, пододвигая двумя пальцами ближе к ней, — Подпишите, пожалуйста.

Она даже в руки его не берет, смотрит свысока, бегло читая начирканные строки.

— Не подпишу, Антипова. Где я такого специалиста найду? Иди со своим заявлением... Работать дальше.

— Нина Карловна, я уже все решила. Я хочу уволиться.

— Марьяна! — она встает со своего места, упираясь подушечками пальцев на стол, — Ты с ума сошла? Куда я тебя отпущу? Это протест, что я не заказываю оборудование из Кореи? Да я бы с радостью, меня сверху душат... Ты думаешь, это так просто?

Она сейчас начнет манипулировать мной, просить остаться... Как Ярослав прям.

Только я все решила. Чего они куклу из меня безвольную делают? Я же не такая совсем. Да, долго думаю и долго принимаю решения. Но это не значит, что мне нечего сказать.

— Решение принято! — повышаю голос, — Нина Карловна, давайте по-хорошему расстанемся. Я же столько лет верно служила больнице, честно работала. И сейчас готова две недели отработать, пока вы замену мне ищете.

— Не получится по-хорошему, — кидает в сердцах, — Кидаешь нас. Вот и уходи.

Да. Это в ее духе, бросить такие едкие слова, не думая о том, что они могут задеть и причинить душевный дискомфорт. Я уважала всегда ее как врача, да и сейчас уважаю, но человек она скверный и тяжелый. Не знаю, как ее терпит муж, хотя вместе они очень давно. Лет сорок.

А мужики любят стерв, ищут себе в жены покладистую, а на самом деле хотят суку настоящую, чтобы кишки выворачивала и чтобы горело все, полыхало синим пламенем. И дело ведь не в постели... Дело в состоянии. Такая женщина делает даже из самого никчемного мужичонка настоящего самца, а что может сделать из мужика кухарка и мать?

Слюнтая.

Вот они ищут себе королев. Забывают о том, что такая королева с легкостью раздавит каблуком все его причиндалы. Даже не пожалеет.

— Надеюсь, вы подпишите.

Она больше ничего не говорит, просто садится обратно за стол, комкает мой листок и выкидывает в урну, демонстрируя всем видом, что она думает о моем увольнении.

Жаль, что по-доброму не получилось. Все равно ведь уйду.

Глава 8. Ярослав

Полина открывает дверь, а я мрачно смотрю на нее. Молча пропускает, а я чувствую себя чертовым побитым псом.

И хрен его знает, кто ударил.

— Яр...

— Я же просил тебя больше не писать, — чеканю не своим голосом, сбрасывая пиджак на спинку дивана.

Она стоит, поджав губы, и молчит. Взгляд в пол, и как-то уж слишком тихо себя ведет.

Засовываю руки в карманы, пронзая девушку взглядом.

Симпатичная. Есть в ней огонь. Не такой, как у моей жены.

Моя жена это стать, грациозная лань, можно сказать. Полина, это красивая девушка, которая отчаянно влюблена.

А я...я посередине этого пиздеца, не способный разорвать ни одно, ни второе. Можно считать меня слабовольным ублюдком, но на каждое действие есть противодействие, и последствия. Черт его знает, почему я сейчас варюсь в этом, обманывая обеих женщин.

— Ну давай, показывай, что там за десерт хотела показать? — вскидываю бровь, все еще глядя на Полину в коротких шелковых шортах и майке, сквозь которую торчат соски.

Она улыбается, но с печалью в глазах, потому что знает, большего она никогда не получит.

— Я никогда не сделаю того, что может навредить тебе, Ярик, - говорит она искренне: — Но, — мнется немного, пока я делаю шаг ближе к ней: — И ты пойми...я всегда одна. Мы никогда не просыпались вместе, не завтракали, рассказывая планы на день... Пара часов твоей подпитки в виде секса не насыщают меня даже до утра.

— Мы обсуждали...

— Да, да, я знаю, милый, — подходит ближе и гладит по верх рубашки: — Я стараюсь, Ярослав.

Прикрываю глаза с шумным вздохом, и притягиваю ее ближе. Льнет к груди, а я глажу волосы девушки.

В этот момент перед глазами стоит картинка, как я впервые признался Марьяне в чувствах.

Даже усмешка тянется на губах.

Это был невообразимый стресс, я боялся ее спугнуть, и вместе с тем, это был самый счастливый момент в моей жизни. А она улыбалась на мою сбитую волнением речь, и закусывала губу. Обняла, оставив нежный поцелуй в шею, а я потек, как пацан.

Красивая, с роскошной копной каштановых волос, и несмотря на беременность, шикарной фигурой.

Она стала воплощением моей мечты, о которой, я мать его, даже не подозревал. Просто раз, и появилась на горизонте.

Да, у нас все вышло немного неправильно, не по канонам, в связи с нашим внеплановым Севой. Но, черт возьми, я ни-

сколько не жалею о своем выборе.

Разве что, хотел бы, чтобы она любила так, как я.

— Яр, — Полина вырывает меня из закровов памяти: —
Еще я хотела...

Она отрывается от меня и заглядывает в глаза. Явно нервничает, что заставляет меня мгновенно хмуриться.

Разгребать свое дерьмо мне еще долго, придумывая как остановить жену, поэтому что-то новое от Полины, я даже физически вынести сейчас не готов.

— У меня задержка... — на одном дыхании выдает.

А я в ступоре. В тупике. В жопе.

Пялюсь на нее, как идиот, и слова сказать не могу.

— Конечно, это может быть просто сбой, — она тараторит, а я даже не слушаю.

Плюхаюсь на диван, зарывая руки в волосы, и закрываю глаза.

Твою мать.

— Тест делать рано, — вновь сквозь вату собственной дезориентации прорывается ее голос: — Но я... Яр, я...

Смотрю на девушку стеклянным взглядом и стискиваю челюсти. Волна необъяснимой злости поднимается откуда-то из недр.

— Как?! — единственное, что я выдаю, пронзая ее яростным взглядом: — Ты говорила, что на таблетках! — угрожающий голос я даже не пытаюсь смягчить.

Какого черта?! Когда у меня и так вся жизнь, блядь, ру-

шится?!

— Да, да, — подорвавшись ко мне, испуганно блеет: — Я принимаю, Яр. Правда.

Вижу, как взгляд девушки наливается слезами, а сам будто лечу в пропасть с широко раскрытыми глазами.

Даю себе минуту на то, чтобы собраться, мать ее, с мыслями. Встряхиваю головой в попытке согнать эту гнетущую паузу.

— Так, — не обращаю внимания на то, как она шмыгает носом: — Сдай анализы и сообщи результат. Разберемся. — Я, сука, и сам себе не верю, но отчаянно убеждаю ее: — Когда придет время, решим.

Она, опустив глаза, кивает головой как болванчик, а я понимаю, что это, сука, совсем не тот десерт, на который я рассчитывал.

— Я поеду, — встаю с дивана не глядя на нее.

Она хочет возразить, но и сама понимает, что может значить ее внеплановая беременность.

Уже к тому же шестой час, скоро проснется Марьяша, а меня еще ждет так и не состоявшийся разговор с нашим младшим дурачком.

Останавливаюсь на секунду около нее, приподнимаю подбородок двумя пальцами, и коротко касаюсь сочных губ девушки.

Некий посыл сделать вид, что все в порядке, что я приму своего внебрачного ребенка.

Буквально чувствую, как напряжение ее отпускает, и как она плавится. Кошкой прижимается и дышит так, будто кроме моих поцелуев, ей ни хера не надо.

К этому привыкаешь.

К ее ярким проявлениям, к желанию, к экспериментам, к покорности, которой хочет сама она. К тому, что вдруг есть специи в этой жизни, а не только соль.

Бывает жгуче, бывает сладко, а порой и ново.

Отрываюсь от нее, погладив напоследок по волосам, и оставляю ее посередине гостиной.

Если она беременна и об этом узнает Марьяна до того, как я решу проблему, то мой развод стал еще ближе, чем я мог себе представить...

Глава 9.

— Марьяна! — мне резко хватают за руку и дергают в сторону, поворачиваю голову и вижу Ярика. Он еще крепче сжимает место рядом с изгибом локтя и тащит меня в сторону, где припаркована машина, — Пойдем поговорим.

— Ярик, мне больно. Что ты делаешь?

— Прости, — смягчает захват, но так и не отпускает. Подводит к своей черной БМВ, открывает дверь с пассажирской стороны и помогает мне сесть внутрь, словно боится, если отвлечется, то я тут же сбегу. Но, конечно, бегать я не намерена, взрослые люди так себя не ведут, — Я не хочу развода.

— Я уже слышала это, Ярослав. И поняла тебя с первого раза, но и ты пойми, я жить с тобой в доверии больше не смогу, мне будет каждый раз казаться, что ты с другой... Я никогда не верила в крепкий брак, не знаю ни одну историю, чтобы муж хранил верность с самого начала и до конца, знаешь, наверно и претензий к тебе нет. Спасибо за то, что сделал для меня, за сыновей спасибо. Ты — отличный отец.

— Прекрати говорить так, словно прощаешься, — поворачиваюсь в его сторону, замечая глубокие темные синяки под глазами, трехдневную щетину, бешеный усталый взгляд. Он измотан и сильно подавлен, — Дай мне шанс все исправить. Почему ты так равнодушно себя ведешь, Марьяш? Без скандалов, упреков. Слишком спокойна. Может сама наду-

мала от меня уйти, а?

— Ясно, — дергаю ручку двери, — Нормально говорить у нас не получается. Не ровняй всех по себе, Яр.

— Прости, — бьет ладонями по рулю, — Блядь, прости. Я опять все порчу. Я пытаюсь справиться с эмоциями, но твое равнодушие жалит. Какого хуя ты просто так спокойно приняла решение развестись? Марьяш... Я от тоски подыхаю. Я же очень сильно люблю тебя.

— А ты скандала хотел? — приподнимаю уголки губ, гипнотизирую знак парковки через лобовое стекло, — Хотел битую посуду, истерики и сопли? Мне больно, Ярик, но цирк устраивать я не стану.

— Хотел? — на его лице появляется оскал, — Нет, конечно, не хотел. Я всегда тебя и любил за то, что ты не истеричная дура, которая ревет без повода и кричит постоянно, капризная. Таких как ты вообще... Мало. Таких, блядь, нет. Я все проебал, я каюсь, скажи мне, что сделать? Я должен все исправить, а ты мне должна помочь.

— Я, кстати, все-таки уволилась, — кладу руку на его бедра, не крепко сжимая. Перевожу тему, потому что ответа на его вопрос у меня нет. Ничего тут уже не сделаешь. Нельзя прокрутить жизнь, как киноленту, чтобы стереть плохо снятый момент и снять его заново. Невозможно так сделать, — Планирую устроиться в клинику на Театральной площади. Видел наверно, вывеска у них бело-зеленая. Ярик, туда берут крутых спецов, я так хочу рискнуть, хочу попробовать

туда устроиться.

Он неверяще смотрит на меня, лохматит волосы.

— Какая нахуй клиника? — рев разносится по всему салону авто, — Ты вообще слышишь о чем я тебе говорю? Я вернуть тебя хочу! Я хочу, чтобы мы не разводились! Я рад за тебя, нужна моя поддержка? Я правда, блядь, рад! Молодец. Только не переводи тему, говори со мной о нас.

— Какой смысл говорить о том, чего больше нет?

Мне становится жутко неуютно рядом с ним, его эмоции заполняют мое личное пространство и сильно давят. Нет возможности сделать что-то, вдох или выдох, пошевелиться. Единственный шанс на спасение — это выбежать. Только двери заблокированы, а я в западне его эмоций. Они как цунами, набирают обороты издалека, ты не сразу распознаешь, что сейчас снесет полгорода, а когда уже остается считанные секунды, бежать некуда.

Вот и я уже вижу, даже ловлю это трехметровую волну, не зная, как отбиться от нее.

— Ярик, смотри, — беру его за руки, глажу ладони с короткими темными волосками, — Мы не перестанем общаться, у нас с тобой дети. Ты не потеряешь меня из виду, мы просто перестанем существовать, как единое целое. Ты будешь сам по себе и я буду сама по себе.

— А если ты кого-то встретишь, Марьяш... — он кладет голову на мои колени, целует ноги. Я чувствую тепло губ сквозь капрон колготок, — Если кому-то другому будет поз-

волено тебя качаться... Я сдохну.

— Ты уже позволил другой касаться тебя. Как видишь, я осталась жива. Яр, — проникаю пальцами сквозь густые волосы, — Живи! Слышишь? После развода есть жизнь.

— Ты черствая женщина, — стонет, — Я мир к твоим ногам хочу бросить, а ты не позволяешь.

Откидываю голову на подголовник, прикрываю глаза. Мне просто не нужен никакой мир у ног, он этого понять не может. Я вышла замуж за человека, с которым мне было безопасно, стабильно и уютно. Без пения под луной, без рвущегося сердца. Хорошая, счастливая семья. Мне никогда не хотелось его подвигов, чего-то безумного и безрассудного.

Его измена — это безумно и безрассудно. Это то, что я не хочу видеть в своей жизни. Это то, что лишает меня свободы, лишает мое тело кислорода. Я не могу дышать этим, потому что оно отравляет мой организм. Яд... Который расползается по венам и парализует тело.

Если есть возможность избавиться от этого, то я хочу воспользоваться этим шансом.

— Девочка моя, дай мне время. Умоляю. У меня командировка, я вернусь, мы еще раз все обговорим. Если ты точно решишь, что больше меня не хочешь видеть рядом, то я уйду. Клянусь тебе, что уйду.

— Яр, мое решение не измениться.

— Просто время! — поднимается, хватая ручищами мое лицо, целует коротко в губы, — Дай мне немного времени.

Вот увидишь, я сделаю такое... Что заставит тебя передумать навсегда. Я верну твою любовь, твоё доверие.

Как жаль, что это просто слова. Ничего не изменится. Я не передумаю. Но все же иду ему навстречу и даю время, просто потому что он на грани срыва и уязвлен. Это просто неделя, за которую ничего серьезного не произойдет.

А потом еще раз ему объясню, уже без лишних эмоций, что наше время закончилось.

Спойлеры будущих глав в тг канале <https://litnet.com/shrt/VGKZ>

Глава 10. Ярослав

— Ты помнишь, о чем мы говорили, Илья?! — пытаюсь сдерживать тот апокалипсис, который я готов обрушить на нашего младшего.

Он понуро опускает голову, а у меня каждый нерв клокочет. Итак, полный пиздец с нашей семьей, а этот избалованный не добавляет спокойствия.

— Па, да я не виноват, это Изотов все...

— Да мне плевать, — сквозь зубы рычу и подхожу ближе: — Марш в машину.

— Па, а может маме не надо...

— Я сказал в машину.

Он резво скрывается за дверьми. А я шумно выдыхаю. Еще спасибо, что мне только позвонил. После нашего разговора с Марьяной, это было бы для нее слишком.

Все же из нас двоих, она проживает свои эмоции в себе, а это, вроде говорят, не очень хорошая практика. Правда, как раз выходки нашего мелкого могут сплотить нас.

Задумываюсь на пару секунд, план с отсрочкой по-любому должен сработать...

Достаю телефон и набираю жену.

— Ярослав, я подаю документы, не могу сейчас...

— Наш сын в полицейском участке, — озвучиваю, а Марьяша резко замолкает.

Слышу как она извиняется перед кем-то и явно куда-то двигается.

— Что случилось?! — спустя пару секунд звучит встревоженный голос жены.

— Хулиганство, — туманно заявляю, потому что если она узнает, что там порча госимущества в виде остановки, попытка прокрасться на частную территорию, то всем нам тогда пиздец.

— Господи! — она дальше чертыхается, а я как идиот улыбаюсь: — Когда же это все закончится!!? Ты говорил же с ним, я не понимаю...

— Тише, милая, все решим. Не переживай, я обещаю, все будет в порядке. Сейчас везу его домой, получится приехать, чтобы устроить ему общий разнос?! — озвучиваю с улыбкой, на что Марьяна несколько секунд мнется.

— Я все равно уже пропустила свою очередь.... — с печалью в голосе слышу ее.

— Я уверен, что в следующий раз все получится...

— Яр, перестань, — усмехается любимая: — Едва ли ты хотел бы моего повышения и новой работы...

Сцепляю челюсти, потому что тут она права. Ей, в целом, не нужна работа, я смогу обеспечить нас всех.

— Встретимся дома, родная, — пытаюсь скрыть собственное недовольство и кладу трубку.

Залезаю в тачку, а малой пропадает в своем смартфоне.

— Телефон выключил и отдал, — тяну руку.

— Ну пап!!! — тут же канючит.

— Ты слышал?! Мама уже едет домой!

Чувствую как с силой телефон опускается на мою руку и слышу, как он тихо ругается. Нас определенно ждет тяжелый разговор.

Спустя полчаса мы, наконец, доезжаем до дома, а когда тормозим в паркинге, рядом стоит машина Марьяны.

— Мама уже дома, — озвучиваю с укором в глазах.

Он никак не реагирует, а я не имею представления как найти к нему подход.

С Всеволодом такого не было. Он более самостоятельный что ли с детства, а этот все от мамкиной ноги не отходил, зато теперь отошел так отошел.

— Просто объясни, в чем дело? Я как ни пытаюсь понять, у меня не получается... — иду по правдивому пути, пока мы заходим в лифт.

— Просто по фану, — жмет плечами этот... Даже слова не подберу, мать его.

— Ты издеваешься?!

Итак все нервы как тетива, еще и он добавляет раздражения.

— Пап, ну что сказать. Один фиг мои ответы вас не устроят.

А мне хочется подтянуть его спущенные штаны по самые яйца.

— Илья... Они могут не устроить тогда, когда ты отвеча-

ешь так, но для чего ты это все делаешь?!

— Все делают... — жмет своими плечами.

Со спортом у него не вышло, он хотел по стопам Севы связаться с баскетболом, но это точно не его. И с того момента, все по наклонной.

Выходим из лифта, и я пытаюсь его вразумить.

— Считаешь, это круто?

— Нет, — я иду позади него и почему-то верю в то, что он говорит: — Просто придумали нормальную мазу и сделали. Точка.

Прикрываю глаза останавливаясь у двери, а когда мы входим внутрь, Марьяна, скрестив руки, уже стоит в холле.

— Мааам, — он буквально хнычет, и мне откровенно его жаль, но он заслужил.

— В гостиную мухой! — чеканит Марьяна, вызывая у меня усмешку.

Илья волочит свои штаны по полу, а она, не глядя на меня, идет за ним.

Стягиваю пиджак, оставляя его на банкетке и следуя за ними. Сейчас то ему придется подробнее пообщаться с мамой.

Марьяша стоит, злая и, черт возьми, красивая в одном из любимых платьев, что обволакивает ее фигуру бордовой тканью, показывая все совершенство ее изящного тела.

Любуюсь женщиной и даже не слушаю, что она кричит ребенку. Сейчас я могу лишь наслаждаться эстетикой, ко-

торуую вижу, потому что придется сегодня оставить их, дать нам всем время остыть.

Чувствую, как вибрирует телефон в кармане, и достаю. Номер незнакомый, поэтому я, развернувшись, отхожу чуть в сторону.

Может кто по проектам звонит...

— Антипов, — озвучиваю, а на том проводе слышу, как кто-то хлюпает носом.

— Яр, — узнаю голос Полины и резко оборачиваюсь, наблюдая как Марьяна активно жестикулирует перед глазами Ильи.

— Какого хрена?! — тут же отворачиваюсь и шиплю в трубку.

— Я беременна, Ярик... — она буквально воет в голос, а я сглатываю ком в горле и снова оборачиваюсь на жену.

Она замечает и переводит взгляд на меня с вопросом в глазах. Мотаю головой, посылая идиотскую улыбку, и вновь возвращаюсь к телефону.

— Позже поговорим.

Отключаю звонок, но даю себе пару секунд, чтобы прийти в себя, прежде, чем вернуться к разборкам своей семьи.

Поставьте лайк роману, пожалуйста, если вам нравится) это очень поможет продвижению книги

Глава 11.

— Знаешь, сын, тебе слишком много спускается с рук, — облокачиваюсь бедрами о столешницу. Внутри утихшая буря, злости нет, а вот разочарование давит сверху бетонной плитой, — Тебя мало любили в детстве? Мне кажется, что на твоей заднице места без наших поцелуев не осталось.

— Мам...

Он что-то хочет сказать, то слышать оправдания нет никакого желания. Блеет и млеет. Ищу в нем что-то мужское, характерное, и не вижу. Это разочаровывает.

— Не мамкай, — тычу палец в его сторону, — Хочешь быть мужчиной? Вижу по глазам, что хочешь. Только вот твои попытки доказывают обратное. Мальчишка... Думаешь, что тебе все можно? Мама с папой помогут? Нет, Илья, так не будет. Мой сын не будет моральным уродом, и я точно не стану бегать по полицейским участкам, постоянно тебя вытаскивая оттуда. Имей совесть.

Последние слова слышит Яр, как раз заходит обратно на кухню, пряча телефон в карманах брюк. В голове вспышка, сразу понимаю, кто звонил ему. Взгляд его выдает. Потерянный, как у щенка, который провинился. У Ильи сейчас такой же... Один в один.

— Марьяш, ну так жестко не надо.

— Хватит! — ладонь приземляется о гладкую поверх-

ность стола, — Хватит делать вид, что ничего не происходит! Ярослав, раскрой глаза, наш сын с такими темпами станет уголовником. Сегодня раскуроченная остановка, завтра грабёж, послезавтра убийство. Такой у нас план, да?

— Откуда ты узнала про остановку, мам?

— А дружки твои думаешь такие смелые? Да? Матери Изотова позвонила, они его под домашний арест посадили. Может тебя тоже, Илья, посадить?

— Мам, это перебор, — сын вскакивает со своего места. Идет к отцу, ища там поддержку. А так было всегда, обычно в семьях мать — это добрый полицейский, а отец — злой. Но Ярослав многое разрешал Илье, как раз тогда деньги в семье появились, поездки, игрушки. И все без разбора покупалось. Севе тоже, но проблема была в том, что у Ильи хотелки не заканчивались никогда. Сначала машинка игрушечная за двести евро из Германии, потом каждый год новый телефон, кроссовки за двадцатку из Америки... Я просила Яра остановиться, видела, что на лице сына появляется это гадкая, мажорская ухмылка, но Ярик убеждал меня, успокаивал. Мол наш сын не такой...

Такой! Именно такой! Избалованный циничный мажор.

— Телефон дай, — протягиваю руку вперед, жду, когда мне дадут то, что я прошу.

— Зачем?

— Потому что у тебя больше не будет телефона. А еще не будет гулянок по ночам, не будет тусовок каждую субботу.

Илья, раз ты не умеешь нести за себя ответственность, это будем делать мы с отцом. Только тебе не понравится перспектива.

— Марьян, давайте просто сядем и поговорим. Спокойно.

Обычно так всегда заканчивались воспитательные процессы. Яр уводил все в позитив, пытался замять, вывести всех на примирение. А тут нет никакого позитива. Тут беспросветная жопа.

— Не будет спокойно. Телефон, я сказала.

— Я не отдам тебе телефон, мам.

— Да? — изгибаю брови, — Уверен?

— Уверен, — демонстрирует свой характер, злится, из ноздрей идет пар.

— В таком случае ко мне можешь больше не подходить, — обхожу мужа и сына стороной, направляясь в спальню, — Запомни, Илья. Я не буду тебя защищать больше. Еще раз попадешь за решетку, твои проблемы.

Блефую. Сердце кровью обливается, но иногда нужно принимать кардинальные меры. Я хоть и мать, обожаю своих детей, я безмерно благодарна судьбе за сыновей. Но позволить младшему стать ублюдком, который в один день сядет пьяным за руль и и лишит кого-то жизни... Я не могу.

В спальне освобождаю себя от тесного платья, бросаю кусок плотной ткани на кровать. Разминаю шею, дышу глубоко, чтобы прийти в себя. Руки трясет, но ничего, я все правильно сделала.

Не проходит и минуты спокойствия, Ярослав появляется, закрывая плотно за собой дверь.

— Марьяна, что это было?

— Это называется воспитательный процесс.

— Ты ему прямо сказала, что отказываешься... Ты в своем уме?

— А ты? — кричу, срывая с запястья наручные часы и бросая их с грохотом на тумбу, — Ты в своем? У нас сын с регулярностью попадает в участок, а ты вместо того, чтобы решать вопрос, милуешься по телефону со своей... О, боже, — закрываю лицо руками, — Может ты к ней уйдешь?

— Не понял...

Тормозит посреди комнаты, его брови взлетают вверх.

— Да все ты понял, Ярик. Дуру из меня не делай... Иди к ней, иди... Слышишь?

— Никуда я не пойду. Это мой дом, а ты моя жена. Я с ней порвал, говорил тебе.

— Это ненадолго.

— Блядя, Марьяна. У тебя день плохой? Решила и меня довести?

Усмехаюсь... Как он всегда стрелки переводит... Как он это филигранно делает?! Почему раньше меня это не смущало, а сейчас до жути и скрежета зубов бесит!

— Антипов, убирайся. Уйди. Тошно от тебя.

— Сука! — два раза со всей дури пинает по каркасу кровати, — Какая ты сука, Марьяна! Тебе похуй, что я тебя люб-

лю... Клала ты. Дура! Дура! — стучит кулаком по стене. Закрываю уши и зажимаюсь.

Он вылетает из спальни, дверь захлопывается, намереваясь сорваться с петель. А я все же срываюсь. Не железная. И нет, не холодная. Есть у меня эмоции, есть внутри меня жизнь.

Оседаю на пол, наконец рыдая во всю. Чертовски все раздражает, болит и разъедает внутренности от разочарования.

Все должно было быть не так. Я не так хотела в своей жизни. Не так.

Глава 12. Ярослав

Вылетаю из спальни, а от бессилия хочется рычать.

Да как она смеет?!

Как, мать его, все вообще развернулось на триста шестьдесят градусов?! Что делать?!

Размашисто шагаю в гостиную и открываю бар. С грохотом ставлю бутылку на стол, и оставляя капли коньяка на столешнице, лью в стакан. Залпом опрокидываю, пытаюсь не материться.

Только, сука, ни хрена не выходит.

Я не дам ей этот чертов развод. Не дам и все. Закрою все двери, загоню в угол, что угодно, блядь, сделаю.

— Вы из-за меня с мамой поругались? — вдруг тихим голосом слышу Илью за спиной.

Прикрыв глаза, руками облакачиваюсь на столешницу.

— Не без твоей помощи, сын, — шумно вздыхаю и оборачиваюсь на подростка: — Ты младший ребенок, и мама права, тебя залюбили с самого детства. И бабушки с дедушками, и мы... — Илья вздергивает бровь, а я горько усмехаюсь: — Ладно я. С Севой все было не так, да и денег таких тогда не было. Он никогда не просил ни модных вещей, не хвастался ни перед кем обновками... — стискиваю зубы, потому что осознаю, что изрядно виноват, статус голову вскружил: — Прости за это. Надо было иначе воспитывать тебя, потому

что сейчас ты делаешь очень больно и доставляешь проблемы всем.

Он, опустив глаза в пол, слушает и какое-то время молчит.

— Главное, чтобы ты понимал любить тебя не перестанут, но доверие и разочарование... — снова собственный вздох, потому что, черт возьми, и я просрал именно доверие, а вместо него наполнил чашу разочарованием: — В общем, будет сложно вернуть былое...

— Ты так говоришь, потому что знаешь? — с каким-то смешком спрашивает сын.

А я мгновенно хмурюсь. Клубы злости еще не осели до конца, а мозг буквально взрывается от поиска вариантов, что делать дальше.

— В каком смысле?! — повышаю голос жестко обращаясь к ребенку.

— Забудь, па, — встает он с дивана: — Просто задал вопрос.

Мрачно всматриваюсь в светлые глаза сына и не понимаю.

— Просто... чтобы я ответил и ты понял как быть, или потому что не подумал? — подозрительно озвучиваю.

Он хмыкает качая головой.

— Думал ты дашь совет, как извиниться перед мамой.

Закрываю глаза, пытаюсь сдерживать собственный пиздец, а тут еще ребенку помощь нужна. И самое абсурдное и комичное, что я ни на один гребанный процент не знаю, как нужно сделать.

— Она простит. Всегда прощает ведь, — вяло улыбаюсь, но Илью будто что-то тревожит: — Купим ей что-нибудь от тебя?

Илья отрицательно качает головой.

— Сева мне как-то говорил, что мама не любит такое, не прокатит, — мрачно киваю, и пытаюсь найти еще какие-нибудь идеи.

— Тогда просто поговори с ней и искренне извинись.

— Ладно, разберусь, — озвучивает он и плетется в сторону кухни: — Есть будешь?

Вдогонку спрашивает у меня, а мне на телефон приходит сообщение от Полины, которая явно не в себе и не знает, как и ей быть.

Черт его знает что. Сука.

— Нет, мне надо отъехать, — Илья резко оборачивается и хмурится, но ничего не отвечает: — Потом приеду, продолжим.

— Ты на работу? — наконец, задаёт вопрос.

Молча киваю и вызываю такси. Стопка коньяка хоть и улетучится, но рисковать еще и этим не стоит.

— Понял, — реагирует сын и скрывается в проходе: — Удачного дня, пап.

Назначаю Полине встречу не у нее дома, а в парке в другом конце города.

Ее дом явно не располагает к таким вещам, которые нам следует обсудить. Пусть лучше так.

Пока еду в такси залезаю на страницы каталога, чтобы найти то, что нужно.

Злость и отчаяние смешиваются с болью от того, что она прогнала. Что просто взяла и наплевала на меня и наши двадцать лет. Но я покажу то, от чего она готова отказаться.

Ее это глухое иди так и звучит в ушах. Она будто скинула меня, мать его, с обрыва и даже руку не подала. Ни принять, ни понять, ни поговорить...

Да я готов идти к семейному психологу, чтобы изъять эту проблему, как саперы разминировывают, блядь, бомбы. А она ведь даже и не рассматривает такого варианта.

Точно сама уйти от меня хотела.

Не зря я подумал еще тогда. Любая бы хотя бы боль в глазах показала, но нет же. Как так, Марьяна Михайловна может.

Шумно дышу пытаюсь успокоиться, потому что снова завожусь, а такси тем временем останавливается. Замечаю одиноко сидящую девушку на скамейке. Расслабляю ворот рубашки, вылезая из такси, и решительнодвигаюсь к ней.

Когда появляюсь в поле зрения вижу заплаканные глаза, а она шмыгает носом с нелепой улыбкой.

— Извини, пожалуйста, я не знала, что делать, — сбивчиво говорит осипшим голосом: — Что делать, Ярик?

С мольбой в глазах смотрит на меня и ждёт решения.

— Успокойся, — сажусь рядом: — Какой срок?

— Пять недель примерно.

Киваю несколько раз, и складываю руки в замок, облокотившись локтями на колени. Чувствую, что она смотрит, и прежде чем сказать решение, прикрываю глаза, а затем медленно поворачиваю лицо к Полине.

Глава 13.

— Ренат, привет!

Машу старому знакомому рукой, двигаясь вдоль столов. Случайно задеваю рукой шарфик на спинке стула, извиняюсь перед девушкой, поднимая его с пола. Она машет рукой, улыбается, обмениваемся пару любезностями, и вот я наконец обнимаю своего однокурсника.

— Ну шикарная ты женщина, Коршунова.

— Антипова, — поправляю его, — Спасибо.

— Привык тебя называть Коршуновой, — пожимает плечами, еще раз упоминая мою девичью фамилию.

Галантно помогает присесть за стол, заказывает нам по чашечке кофе и сладкому десерту. Первые полчаса нашего времени мы тратим на смех и воспоминания, ностальгируем по студенчеству, по нашей молодости.

Ренат женился уже в третий раз, у него четверо детей. Хотя, когда мы были на первом курсе, этот возвышенный парень, вечно играющий на гитаре и на нервах преподавателей, верил в большую единственную любовь на всю жизнь.

С первой женой они не прожили и года, быт съел их страсть, обнажил проблемы. и оба поняли, что не любили никогда друг друга, а весь их союз был построен всего лишь на сексе. Детей у них не вышло. И слава богу, как говорит Ренат.

Второй раз он женился уже по любви, пятнадцать лет в браке, двое детей и вроде все было хорошо. Стабильно. Но в один день он просто вышел из дома, встретил самую большую любовь своей жизни, осознавая, что именно этого он и ждал все сорок лет.

Итог. Третий брак и новорожденный ребенок.

— А твоя жизнь как, Корш... — осекается на полуслове под моим укоризненным взглядом с легкой усмешкой, — Прости. Антипова.

— Да вот уже и не Антипова я скоро буду. Хотя может оставлю фамилию мужа, двадцать лет с ней хожу.

— Разводитесь? — удивленно приподнимает брови, отламывая чайной ложечкой кусочек чизкейка.

— Да. Измена, — коротко отвечаю.

— Ты пошла во все тяжкие?

— Дурак, — бью его по руке, — Нет, у мужа какая-то девушка появилась. Я так понимаю, на постоянной основе с ней регулярный секс.

— Нормально мужик устроился. Я когда Ксюху встретил, сразу развелся, чтобы быть с ней по-честному. А твой, я смотрю, пытается на двух стульях усидеть.

— Говорит, что любит меня, а то просто секс, — пожимаю плечами, откидывая на спину стула. Тело находится в напряжении, а мыслительный процесс вообще не заканчивается ни днем, ни ночью. Словно я не сплю уже несколько недель.

— Пиздит, — Ренат качает головой, — Если бы был про-

сто секс, он бы не таскался туда, Марьяш.

— Ренат, я не хочу об этом говорить. Я его отпустила, пусть строит свою личную жизнь, а я займусь работой. Кстати, — тут же меняю вектор разговора, — Между прочим я сюда не только пришла поболтать о жизни. Ты мне говорил о повышении...

— Созрела?

— Да, — выдыхаю. От предвкушения по телу разливается тепло, — Хочу карьеру построить, в сорок лет же начинают?

— Еще как, Марьян. И не только в сорок. Ты же самая умная на курсе была, мы все ставили на то, что ты свою клинику откроешь и бабки рубить будешь. А потом ты резко замуж выскочила и родила сразу. Клянусь, все были в шоке...

— Правда?

— Конечно. Шептались по углам, — смеется, — До последнего думал, что это шутка. Не могла амбициозная Коршунова просто взять и выскочить замуж. Ты же хотела хирургом стать.

— Жизненные обстоятельства вносят свои коррективы, — прошлое врывается неприятный потоком, я ежусь, словно от холода прогоняя болезненные воспоминания, — Но зато сейчас я готова! Я хочу повысить уровень квалификации. Очень хочу развиваться.

— Я помогу, чем смогу. И лучше начинать уже сейчас, нужно подать документы необходимые на повышение, а местечко я тебе придержу в клинике.

— Ренат, — благодарно улыбаюсь, — Я знаю, что ты мне всегда можешь выделить место у себя в клинике, но я хочу попробовать устроить ту, что на Театральной площади. Они работают на корейском оборудовании. Я ни в коем случае не умоляю те технологии, что у вас в клинике. Но я последние два года ездила на форумы, изучала этот вопрос... Там технологии шагнули далеко перед.

— Слышал, — кивает активно, — Мы делали предзаказ на поставку к нам в клинику. Но не так просто получить лицензию. Та клиника, Марьяш, пафосная до жути, но спецы там хорошие работают. Есть один знакомый, я с ним переговорю.

— Правда?

— Да, он придержит место. Я за тебя ручаюсь, потому что не сомневаюсь в тебе ни на секунду.

Благодарно улыбаюсь другу, мы еще час обсуждаем все новости из медицинского мира. А потом Ренат убегает к любимой женщине и малышу.

Я тоже собираюсь домой, хотя боюсь там увидеть Ярослава, не хочу с ним никак пересекаться. И пора бы думать о жилье, потому что в этой квартире остаться не получится. Муж начнет давить, пытаться меня прогнать. Но я все решила, поэтому не готова терпеть никакого давления в свою сторону.

— Мам, — выхожу из кафе и принимаю звонок от младшего. Внутри все еще грохочет злость, я люблю своих детей

сильно, но всему есть предел. Илья черту почти переступил,
— Мам, ты можешь приехать, пожалуйста?

— Куда? Что случилось? — руки трясет от тревоги. И хорошо начавшийся день резко идет коту под хвост.

— Не волнуйся, ма. Просто очень нужны деньги. Я все тебе объясню, мам, верну каждую копейку. Только помоги.

— Илья, сколько? Куда нужно привезти? — ладони в мгновение потеют. А сердце лихорадочно стучит.

Что если ему угрожают? Что если он в опасности?

— Сто двадцать тысяч.

— Сколько? — переспрашиваю, хотя прекрасно услышала сумму. Просто в шоке и непонимании, что делать. На руках таких денег нет, на карточке лежит меньше сумма. Единственный вариант — позвонить мужу, чего я делать совсем не хочу, — Илья, что ты творишь, сынок?

Голос в отчаяние.

— Мам, я клянусь, я все исправлю. Просто помоги.

Он называет адрес, обещаю ему, что приеду как можно скорее. Слезы сryваются из глаз, потому что в голове появляются куча сомнительный мыслей, что с ним что-то случится. Что придет беда.

Для материнского сердца — самое страшное потерять ребенка. Нет страшнее боли, чем эта.

Глава 14.

Я пытаюсь быть собранной, пытаюсь не проигрывать самые ужасные сценарии, что сейчас буквально нападают на мою голову.

Дорога как назло вся в пробках, я уже сделала крюк, дабы объехать затор, но время пути едва ли сократилось.

В груди бешено тарабанит сердце, потому что сумму, озвученную сыном, я на данный момент не имею. Расчет с поликлиники вот-вот должен быть, там будут и не отгулянные отпуска, и бонусы в виде тринадцатой зарплаты, но их еще нет на карте.

Пытаюсь размеренно дышать, пока вольво лавирует в потоке машин, перестраиваясь и моргая всем “спасибо”. Мысли сбиваются одна с другой, а тревога она словно набирает силу в районе живота, чтобы полностью поглотить меня.

В другой бы момент, я бы позвонила Ярославу, и мы бы вместе решали эту проблему, но не после всего, что произошло. В конце концов, дать ему еще один повод, чтобы думать, что я слабая, нет уж увольте. Там и так мало веры в меня, а тот факт, что молодая пилотка затмила глаза и мозги, не добавляет плюсов.

Я решу эту ситуацию, и пусть мне по-матерински страшно, потому что не имею представления, что меня может ждать в обусловленном месте. Однако, я не из робкого де-

сятка ведь.

Наконец, вижу, что остается не больше километра, и всячески заставляю себя принять невозмутимый, а главное собранный вид.

Набираю Илью по громкой связи, а когда он объясняет в каком они дворе, я в конце концов, бросаю машину так, что ее даже не назовешь припаркованной. Наблюдаю, что там стоит какой-то подросток, а рядом с ними еще мужчина.

Высокий, в костюме, и около огромного белого мерседеса представительского класса.

Вот дерьмо то.

Теперь к тревоге добавляется еще и, не остывшая злость на своего младшего сына. Вылезаю, гордо держу подбородок, а когда Илья видит меня, опустив взгляд в асфальт, закусывает губу.

— Добрый день, — озвучиваю твердо, но довольно вежливо.

— Вы мамаша?! — бросает в меня явно разъяренный и невоспитанный мужчина.

— Марьяна, — посылаю улыбку, а сама наблюдаю на полу битое стекло.

А когда возвращаю взгляд на ребенка и отца, что с надменными лицами стоят прислонившись к капоту, то замечаю синяки у подростка.

— Илья, объяснишь, что произошло? — оборачиваюсь на сына.

Я веду себя как завуч в школе, однако, по глазам, уверена, что Илья все прекрасно понимает.

— Мы подрались... — вяло начинает он.

— Твой выродок напал на моего сына и разбил ему айфон! Как решать будем, Марьяна?! — перебивает моего ребенка мужчина.

Делаю шаг вперед, а сама покрепче сжимаю сумку.

— Я задала вопрос своему сыну, — на последнем слове делаю акцент: — А если вы далее будете говорить на своем родном жаргонном по отношению ко мне и моему ребенку, то, полагаю, все закончится крайне плачевно и муторно. А учитывая, что вы уже трижды посмотрели на время, у вас явно планы. Так что мы ведем с Вами вежливую беседу и принимаем решение в отношении детей, что очевидно не поделили что-то, — перевожу глаза на Илью.

А он стоит и прячет улыбку. И сейчас я исполинскими усилиями заставляю себя не дать ему под затрещину. Я никогда не прибегала к подобным методам воспитания, и видимо, зря.

— Мам, телефон случайно выпал из его кармана... — озвучивает сын, а я киваю.

— Ни хрена подобного! Это ты, идиот, его вытащил и бросил! — тут же выступает второй ребенок.

— Тихо! — останавливаю начинающуюся перепалку, потому что вижу, что мальчишки снова готовы наброситься друг на друга: — Из-за чего драка?!

Мужик, являющийся отцом цокает, и мотает головой. Вижу, как он нервно постукивает ногой, и понимаю, что напряжение явно растет. Моя тирада едва ли дала мне пять лишних минут.

— Не из-за чего... — бурчит незнакомый мальчик, прищуриваюсь, а Илья тем временем и вовсе стоит отвернувшись.

— То есть просто так, да, Илья? — жду ответ от ребенка, а сама судорожно ищу варианты.

— Да, слово за слово.

Ну или они всех взрослых считают идиотами, или действительно думают, что это выглядит правдиво. Оборачиваюсь по углам, наблюдая уличные камеры.

— Так, у меня замечательная идея, чтобы прийти к справедливости, — обращаюсь к мужику, а тот явно с недоверием и скепсисом вздергивает бровь: — Видите камеры? Нам нужна видеозапись, — даже воодушевленно это озвучиваю, а сама наблюдаю за реакцией второго подростка.

Он резко оборачивается в сторону уличных гаджетов и явно нервничает. Наблюдаю и за Ильей, который определенно задумался над чем-то.

— Слушай, ты, — и вот моя идея видимо не пришлась по вкусу: — Этот неполноценный, — скриплю зубами, но даю выговориться кипящей пострадавшей стороне: — Убил телефон моего сына, на остальное плевать, либо бабки, либо заява.

Прикрываю глаза, осознавая, что после всего, что сын наворотил за последние полгода никаких поблажек уже не будет. Он просто отправится в колонию, не дай бог. Даже если и ради профилактики, но это клеймо на всю жизнь.

Твою же за ногу, Илья?!

— Какой был айфон у вашего сына? — выдыхаю.

— Четырнадцать про... — выкрикивает подросток.

Киваю и лезу в сумку.

— Это пятнадцатый, он куплен буквально месяца два назад, я даже до конца в нем и не разобралась еще, — снимаю чехол.

— Мам?! — слышу сына, но не обращаю на него внимания.

Не сейчас. После того, как мы урегулируем эту ситуацию.

— Он стоит больше, и фактически последняя модель, — показываю его и отцу, и его сыну.

Старший стоит явно недовольный, но у сыночка на лице растягивается ухмылка.

— А че нет, — улыбается он.

Киваю, и сбрасываю все настройки, чтобы отвязать учетные записи и все, что было на айфоне.

Протягиваю им телефон.

— Если нужна коробка...

— Обойдемся, — бросает грубо папаша и командует сыну забираться в мерс.

Буквально пара минут и они уезжают, а я смотрю им

вслед. Рядом стоит притихший Илья, а у меня ощущение, что меня будто проверяют на прочность.

Нет, на телефон мне наплевать, я хоть с кнопочным готова ходить.

Другое, это то, что близкие люди отчаянно и жестоко доставляют мне боль. И стойкое ощущение, что им всем кажется, что это раз, отвернулся, забыл и выплюнул. Что это не заставляет тебя искать возможно даже несуществующие причины. Так легко, ну сделал и сделал: разбил остановку, сломал чужую вещь... Встретил молодую, изменил... Пфф, ерунда какая.

Глава 15. Ярослав

— Полин, — зову девушку, которая в ванне уже час так точно. Слышно только как она напевает песни и звуки включенной воды. Она тут же выходит, похлопывая по лицу и растирая крем по шее, смотрит влюбленными глазами, — Мне домой надо.

— Ярик, — обиженно дует губы, — Ты обещал, что мы будем все выходные вместе. А теперь опять уходишь, — на глазах слезы, а я просто спрятаться хочу. Не переносу женские слезы, они давят и душат. Знаю я, блядь, что обещал. Легче от этого не становится. Жена думает, что я в командировке, я там правда был, только закончил раньше и вернулся в город.

Хмыкаю сам себе. Вернулся в город, но не поехал домой, хотя чертовски хотел к любимой, приехать, прижать к себе и просить прощение столько, сколько нужно будет. А ей мое прощение побоку. Плевала она на меня, на наш брак... На нас.

Внутри меня пес скулит, я реально себя ощущаю побитой собакой, которая нашла себе пристанище только в этой небольшой съемной квартире. Здесь меня кормят, любят и заботятся. А дома холодно и пусто. Даже, когда любимая женщина находится в нем.

— Поль, — поворачиваюсь к ней, убирая волнистые тем-

ные волосы назад, поглаживая ее тонкую шейку. Красивая она девочка, ласковая и податливая. Из нее можно слепить все, что угодно. Но такую как Марьяна я сделать не смогу. Жена уникальная сама по себе.

Мне хватило одного раза в том парке, просто увидеть ее и понять, что она моя. Это была больше, чем любовь с первого взгляда. Мне тогда словно кислород из легких вышибло, коснуться нестерпимо хотел, аж руки зудели. Хотел себе ее, всю, без остатка.

Когда получил... Не поверил же, что это реальность. Так любят только раз в жизни. И я люблю до сих пор.

— Ярик, я хочу рожать...

— Что?

— Родить от тебя хочу. Ребеночка именно от тебя, понимаешь?

— Полин, — прочищаю горло, хоть на мне галстука и нет, на шее ощущается прочная удавка, — Давай не будет торопиться с решением. Ты очень молода, а я точно не планирую на тебе жениться. Ребенок испортит твою жизнь...

— Как ребенок может испортить чью-то жизнь, Яр? И не такая я уж и молодая. У моих одноклассников уже минимум по двое детей. Чем я хуже? Разве родить от любимого человека — это зазорно?

— Дело не в этом, — встаю с места, нервно расхаживая по комнате, — Ты понимаешь, что я буду воскресным папой. Ребенок будет расти без нормального отца, а мои деньги бу-

дут больше похожи на откуп.

— Твоя жена подала на развод... Ярик, за что ты держишься? За кого? Ты не нужен ей, любимый мой, родной, — вскакивает следом и виснет на шее, орошая мое лицо короткими поцелуями, — Я тебя всегда ждать буду. Ярик... Слышишь? Моя любовь к тебе... Она навсегда.

— Полин, — убираю ее руки. Походу надо заканчивать, мы перешли черту. Теперь это не просто секс, по крайней мере для нее, — Я дам денег на первое время. На аборт тоже дам. Ты встретишь мужика, который тебя реально полюбит, по-настоящему. Но это буду не я. Я жену забыть никогда не смогу и заменить ее кем-то тем более не получится.

— Ты бросаешь меня? — в ужасе распахивает глаза, — Не делай этого. Я не смогу без тебя.

— Сможешь, Поль. Конечно, сможешь. Я ведь без тебя могу.

— А как же... — ее руки падают на живот, — Он тебе тоже не нужен?

Качаю отрицательно головой. Нет, милая. Он точно мне не нужен. От тебя нет.

— Ярик. Не уходи. Прошу, — она бежит за мной, а я тем временем надеваю на себя обувь и верхнюю одежду. Достаяю из кошелька пятитысячные купюры и кладу на тумбу в коридоре. Она тут же хватает их и бросает в меня, — Мне не нужны твои деньги. Мне ты нужен!

— Поль, не глупи. Этого хватит на аборт. Квартиру мо-

жешь дальше снимать, я пришлю на первое время, — ногой поддвигаю деньги в одну кучу, ближе к ней, — Я ее люблю. А тебя нет. Не порти жизнь ни себе, не ребенку.

Девушка оседает на пол, навзрыд рыдая. Я не должен эмоционально включаться в ее истерику, не должен проявлять ничего по отношению к ней. Поэтому молча ухожу, закрыв за собой дверь.

Подкидываю в воздухе связку запасных ключей. Надо выбросить. Они мне больше не нужны. Я к жене. К любимой женщине. Буду исправлять ошибку.

Глава 16.

Такое странное ощущение не торопиться на работу, планировать свой день, позволяя себе вальяжно выпить чашечку кофе утром в тишине.

Признаться, мне нравится подобная остановка в вечной гонке успеть сделать все дела. На руку, если уж совсем начистоту, отъезд Ярослава, потому что это необходимая пауза перед тем, как мы оба перекроем нашу жизнь.

И да, пусть он чувствует себя уязвленным, однако, вместе с тем, совершенно не осознает каково мне... Это еще не было разговора с сыновьями на эту тему.

После того случая с телефоном, Илья пытается исправить ситуацию. Теперь даже интересуется как прошел мой день, проявляет участие, которого никогда и не было.

И да, я не игнорирую ребенка, это самое последнее, что я могу сделать как мать. Однако, возвращаясь домой в тот день, я наконец, высказала всю нелицеприятную правду для него.

Я виню себя и его отца в том, как сын себя ведет. В том, что его взросление и юношеский максимализм проявляются в настолько ужасающей форме. Конечно, ему было тяжело слушать и не возражать. Но если честно, меня это не сильно волновало.

На вопрос почему он не позвонил отцу в тот день, он от-

ветил, что просто не смог дозвониться.

И вероятно, именно это меня окончательно прибило. Настолько, что я намеренно не находилась дома в момент, как Ярослав должен был собираться в аэропорт. А учитывая ту «пропажу» с моим телефоном, он не смог позвонить и мне. И лишь только позже узнал о том, что случилось.

Как сказал наш младший, ему досталось от отца. Но едва ли я в это верю.

Уже на следующий день я обнаружила новый телефон в спальне с красным бантом. И видимо, как бонус рядом, чтобы замолить свой грех известную безделушку от Картье. Смотрела долго, так и не открывая, и усмехалась.

Считает, что купит прощение за измену?! Разве это не наивно?! Разве это не отдает абсурдом?!

Тут даже не причем моя любовь к украшениям или то, что я действительно хотела бы этот знаменитый браслет. Тут пахнет бредом только от одной мысли как и почему эта вещь у меня появилась.

Ставлю чашку в раковину, обдумывая когда же наконец рассмотрят мои документы. Мне все же удалось их подать, обещали в течение нескольких дней. И теперь я с замиранием сердца жду, когда меня вызовут и сообщат, что моя квалификация начинается.

Ренат ждёт от меня команды и тогда организует встречу в той клинике, о которой я мечтаю. Если все сложится, то это будет совершенно иная веха в моей жизни.

Предвкушение уже разливается в крови пузырьками, как от шампанского. Я настолько долго была в стагнации, что волнение с восторгом добавляют мне сейчас подъема, позволяя не заикливаться на том, что это все благодаря разбиту в крошки браку.

— Эй, есть кто?! — слышу голос Севы и с широкой улыбкой выхожу в прихожую.

— Привет, сынок...

— Мам? — ребенок удивлённо вскидывает брови и клюет меня в щеку: — А ты чего дома? Заболела?

Тут же густые брови сына хмурятся, а я отчего-то только сильнее улыбаюсь.

— Нет, я уволилась, — сообщаю весть, а Всеволод ставит сумку на пол и изумленно смотрит в ответ.

— Вау, — определенно не знает, что сказать, а я жму плечами: — Я думал, это никогда не случится...

Сын добавляет следом, и теперь уже моя очередь удивляться.

— Хм...

— Ну, давай без прикрас, ма, — Сева проходит дальше и плюхается на диван в гостиной: — Эта работа — это издевательство. Тебе надо куда-нибудь в крутое место, а не в бюджетную канитель. — упрямо звучат слова старшего.

— Так, сейчас начнутся нравоучения для матери? — улыбаюсь: — Ладно обо мне, как твоя поездка?

— О, это было, — он загадочно усмехается: — Любопыт-

но и...

Пытаюсь найти причину, по которой сын определенно что-то утаивает, а глаза будто изнутри светятся.

— И? — сажусь рядом в ожидании.

— Занимательно, — наконец, отвечает, но я вижу, что закрывается, не готов обсуждать в открытую.

Всеволод в этом плане довольно сложный юноша, но, в какой-то степени, мне нравится то, что он не кричит о том, в чем еще не разобрался. Даже если это касается его самого.

— Так, а ты значит теперь у нас домохозяйствуешь? — задаёт вопрос сын: — То, о чем мечтал отец? Я, что же получается на пирожки могу приезжать?

Смеюсь на слова ребенка. Впервые за долгое время искренне и с чувством.

— Сев, я же в пирогах не смыслю, — сквозь смех озвучиваю.

— Ну тогда, на твое любимое, как его... фондю?

— Это ж блюдо отца, ты знаешь, — усмехаюсь, но прячу от сына толику горечи.

Всеволод прищуривается и как-то будто изучающе смотрит.

— У вас все хорошо? Где он, кстати? Мы говорили вчера, но он сказал, что не в городе...

— Да, он уехал по делам компании. Переговоры или что-то в этом роде.

Откровенно, я сейчас вру, потому что не имею представ-

ления куда, зачем и почему Ярослав уехал.

— Понятно. Я думал, чтобы отец практику мне у себя считал, а я бы пошел в другое место, не совсем по профилю, — задумчиво говорит Сева: — Но он сказал сейчас пока не до этого...

Скриплю зубами, потому что меня отчаянно злит это «не до этого». По шлюхам мотаться он может, а выслушать сына нет?! К тому же, Всеволод не из тех, кто просит по прихоти, только лишь когда остро необходимо.

— Ладно, разберемся, — отмахивается: — Я пойду в душ, и сегодня будет день отдыха от отдыха... — раскинув руки в воздух, тянет с наслаждением.

— А университет?! — вздергиваю бровь со скепсисом.

— Ма, у меня все схвачено, — высокомерно заявляет сын. Качаю головой с улыбкой глядя в спину уходящего сына.

— О, кстати, — резко он останавливается: — Че там школоты, опять нахреновертил?

Закатываю глаза на его высказывания и отправляю в свою комнату. Сева пожимает плечами и скрывается в коридоре. Я же отчего-то вдруг пропадаю в прошлом.

В груди разливается холод, а печальная улыбка тянется на губах. Я, одновременно, и скучаю по тому времени, и совершенно не хочу его вспоминать. Было страшно, счастливо, непонятно, и местами даже больно. Но то время прошло, а теперь мой сын уже совсем взрослый мужчина. И решение дать жизнь этому человеку было самым правильным в моей

жизни, несмотря ни на что.

Дорогие наши!

*Мы с Селин активно трудимся, поэтому приглашаем вас
в нашу очень непростую и сложную новинку!*

Все предатели будут наказаны!

<https://litnet.com/shrt/Slxg>

— Господи, — ловлю воздух открытым ртом, — Пока я тут думала, что ты умираешь, ты просто бросил семью и ушел к другой? Да лучше бы ты сдох!

Осознание приходит. Очень медленно, но жестко, словно гвоздь вбивается.

— Как ты смеешь? Если ты меня разлюбил, за что ты так поступаешь с дочерью? Она же обожает тебя...

— Ну от дочери я не отказываюсь, — пожимает плечами,
— Просто с тобой жить не хочу. Я сниму вам на первое время квартиру, а пока вы вещи собираете, я поживу у своей женщины.

— Какую еще квартиру? Это наш дом, Витя.

— Это мой дом, Рада. И я хочу здесь жить со своей семьей. С любимой женщиной. Ты думаешь я все эти двести квадратов тебе оставлю? Неплохо ты устроилась...

Глава 17.

— Ленусь, ну как там? Все в порядке?

Застегиваю брюки, выглядывая из-за ширмы. Подружка, она же гинеколог со стажем, внимательно что-то печатает в своем компьютере, не отрывая головы.

— Марьян, тебе еще рожать можно.

— Какой рожать? — округляю рот, — Нет уж. Двоих вырастила, теперь хочу собой заняться. Никаких больше пеленок, распашонок. Только карьера.

— Ну я не настаиваю, конечно. Но по анализам и УЗИ все супер. Тут некоторые молодые приходят, плачут, даже с ЭКО все сложно. А ты плодовитая какая. Рожай, не хочу.

— Вот я и не хочу, Ленусь.

— Ты же о дочке всегда мечтала? — подруга ласково улыбается, отпуская руку с мышки, — Как сейчас помню, в общаге мне все уши прожужжала, что дочка родится и будут ее звать...

— Катерина, — отвечаю за нее, — Ну мало ли что там по молодости было. Не хочу уже никого.

— Да ну... Антипова, ты какая-то потерянная. Все хорошо у тебя?

— В целом, да. Вот в клинику частную устраиваюсь, повышение квалификации прохожу, — отворачиваюсь к зеркалу, поправляя прическу, — С мужем развожусь, — уже тише

добавляю, но от подруги ничего не скроешь.

— Марьян, ты шутишь что ли?

С ее губ тут же слетает улыбка. Она даже выпрямляет спину, внимательно смотрит на меня, сканируя взглядом. Не хочу я рассказывать ничего. И нет, не потому что не доверяю, а просто полоскать это все мне неинтересно. Я вообще не привыкла ничем личным ни с кем делиться. Один раз уже поделилась, потом собирала себя по кусочкам. И строго себе запретила открывать рот.

— Да почему? Нет. Мы разводимся с Яриком.

— И ты вот так просто об этом говоришь... Ну даешь.

— Да не просто, Ленусь, не просто. Но зачем же я буду держать его рядом с собой, когда он выбрал молодую девушку. Ты же знаешь меня, я очень брезгливая, после другой не приму. Да и давно его нужно было отпустить, — падаю на стул, — Ярик всегда эмоциональным был, ему нужны фейерверки и праздник. Он любит, чтобы все с размахом. А я наоборот, тихо и скромно. Он потух рядом со мной.

— Кто? Антипов? Потух? Не смей меня, Марьяна. Ты его мечтой юношеской была, ты вспомни... Обивал пороги универа и общаги, прохода не давал. Все говорил, что его станешь. Он же как больной грезил тобой. Ты любовь всей его жизни. А измена... Не знаю, никогда не думала, что он тебе станет изменять.

— А я думала, Лен. Чувствовала, что ему не хватает меня.

— И что получается, реально разводитесь?

— Получается, что да.

— А как же мальчишки...

— Да взрослые они, — машу рукой, — Все поймут. Старший так точно, с младшим посложнее будет... Он тоже поймет, не сразу, но поймет.

Забираю свои идеальные анализы, выскакиваю из кабинета подруги. Нужно еще в страховой пару штампов поставить и можно домой ехать, все дела сделаны.

Вышагиваю по длинному коридору, с двух сторон стоят небольшие двухместные диванчики с бордовой обивкой, я обычно не рассматриваю людей, а тут взгляд сам падает.

Секунда, и я резко торможу.

Он же сказал, что в командировке до завтра. Но нет, мне не мерещится. Это точно Ярослав с молодой и довольно красивой девушкой. Не могу ее точно узнать, ведь я видела ее гениталии на том видео, а не лицо. И все же сомнений нет, мужа узнаю.

Он тоже почти сразу меня замечает, его в жар бросает, а лицо тут же краснеет. Вскрикивает, пытаюсь сделать шаг в мою сторону.

— Малыш... — шепчет губами.

— Не знала, что директора по проектам отправляют в командировку в женскую гинекологию...

Несколько зевак усмеваются и смотрят в нашу сторону. Ярослав настойчиво пытается коснуться меня, но я отхожу назад. Его большеглазая девчонка опускает голову, словно

ей и правда стыдно.

— Беременна? — тут может быть только один вариант. Она кивает, а я выдыхаю с шумом, — Ну что ж, папаша, поздравляю.

— Полина, — рычит на нее, и снова шаг в мою сторону. Словно пытается в тупик загнать, — Марьяш, не будет никакого ребенка. Это наша последняя с ней встреча, я ее на аборт отправил.

Ее плечи вздрагивают от его слов, а мне резко становится нестерпимо противно находиться рядом с ним. Это перебор.

— Ярослав, как за двадцать лет ты смог превратиться из галантного, умного парня в такое дерьмо?! Дай девочке родить, она же хочет. Не ломай ей жизнь.

— Мне нахуй не нужен этот ребенок. Мне ты нужна...

Качаю головой. Эта пластинка уже зае...ла. Сколько можно одно и то же на повторе.

— Не дури, Антипов. Я уже точно с тобой не буду. А им, — киваю головой в сторону его пассии, — А им ты нужен.

Иду дальше по коридору и жду взрыва. Он не оставит последнее слово за мной. Так и происходит.

— Ты сука, Коршунова. Я всю жизнь тебя любил... А ты просто ждала момента, когда я оступлюсь, чтобы наконец от меня избавиться.

А ты взял и с легкостью оступился.

Глава 18. Ярослав

Смотрю ей вслед, а она даже плечом не ведет. Также молча и уверенно удаляется, а у меня ощущение, что в покрытии второго этажа этого здания резко образовалась дыра. Ровно подо мной.

И теперь я лечу вниз, ощущая тотальное бессилие и бездну, что охватывает изнутри.

Посылаю взгляд в девушку резко дергая волосы на голове.
— Я не сделаю аборт, — озвучивает она шепотом, а у меня желваки будто вырваться куда-то со скул хотят.

Чертыхаюсь, скорее даже отборно матерюсь, не обращая внимания на сидящих тут беременных и тех, кто только готовится к материнству.

Хватаю вещи со стула и бегу за ней. В прямом смысле, блядь, пытаюсь поймать призрачную надежду на то, что она не оборвет нашу жизнь.

Я не хочу другую семью.

Это истина.

Одновременно, простая и сложная.

Слетаю по лестнице, перепрыгивая ступени, и молюсь только о том, чтобы успеть. Чтобы не оставлять все так.

Ситуация до абсурда паршивая. Даже нет, это полный пиздец и крах.

— Марьяна! — срываюсь с крыльца, озираясь по сторо-

нам, и замечаю синее вольво.

Она замирает с открытой дверью, а во взгляде я вижу и решимость, и горечь.

Черт, малышка.

Иду к ней, а у самого глаза на мокром месте. Она ведь моя.

Женщина, что вопреки всему подарила мне красивую и вкусную жизнь. И я не готов от этого отказываться, а уж тем более отдавать кому-то. И уж это непременно случится...

Ренат, этот однокурсник, все годы дружит с нашей семьей. И наплевать мне, какой там у него по счету брак. Коллеги у нее хирурги, и все как на подбор мужики. Да даже семейные вылазки в ресторан сопровождались взглядами в сторону моей жены.

Думает, что я не знаю и не вижу этих деталей, но тут не нужно быть семи пядей во лбу.

— Родная... — одними губами шевелю и качаю головой:
— Прошу тебя.

Она едва уловимо улыбается и сжимает рот в тонкую линию.

— Ярослав, — жена задумывается на одну секунду: — Не унижайся еще больше. Не надо.

Цепляю зубы и увожу глаза.

Рваное дыхание не удастся усмирить, и я, черт возьми, осознаю, она сейчас рисует жирную точку.

— Я позвоню в загс, уточню что с моим заявлением. И полагаю, учитывая новые обстоятельства, мы изрядно ускорим

процесс, — молча киваю перекатываясь с носков на пятки и глядя в пол: — Детям сообщим в ближайшее время. А пока я попрошу тебя перестать делать вид, что ничего не происходит.

Она говорит это все спокойно. Выверено, мать ее. Будто внутри нее не происходит ровным счетом ничего. Точно бездушный камень — тотальное спокойствие и никакой бури. Тогда как меня наизнанку выворачивает. Раскурочивает только от одной мысли.

Почему же она так легко это делает?! Потому что всегда один любит больше?!

Бред сивой кобылы... Однако, слова матери, сказанные много лет назад, так и всплывают в голове “Марьяна из тех, кто позволяет себя любить, Ярик, но никак не дарит любовь”.

Всматриваюсь в женщину, пытаюсь унять воспаленные мысли, и наконец, более связно говорю.

— Прости. За все, но я могу объяснить почему...

— Яр, — она вскидывает ладонь в воздух: — Не нужно. Я понимаю.

Хмурюсь разглядывая легкий макияж. Красивые глаза, кожа у которых уже подернута паутинкой морщин. Но это нисколько не портит ее. Наоборот, дарит аристократическое очарование.

— Что ты понимаешь, Марьян? — подхожу ближе к ней: — Что?!

Ищу ответы на ее лице, во взгляде, но она лишь глубоко

вздыхает. Не удерживаю себя от порыва и хватаю ее за плечи обеими руками, прижимая к себе.

— Я ведь люблю тебя... — хриплю не своим голосом: — Просто ответь, ты вообще любила меня хотя бы немного? — тяжелая и горькая усмешка оседает на собственных губах.

— Не нужно трогать меня, Ярослав, — пытается отстраниться, но я как безумный силой держу ее около себя: — Яр, пожалуйста, не будь ничтожеством.

В последних словах слышу искреннюю, теплую просьбу, и все же отпускаю ее.

— Я любила, — улыбается она с печалью в глазах: — Все время любила. До того как ты извалял меня в своем лицемерии и грязи. Теперь же я благодарна тебе за жизнь, которую мы прожили.

— Хорошо, — киваю, осознавая, что сейчас я должен ее отпустить.

Но это не значит, что навсегда.

— И еще кое-что, Яр, — она вдруг становится крайне серьезной: — Не позволяй твоему эго и маниакальному желанию сохранить невозможный брак загубить невинную жизнь!

С этими словами она резко садится в машину и тут же заводит двигатель.

Смотрю вслед задним фарам, и пытаюсь взять себя в руки. Внутри бесы бьют копытами, чтобы пойти и вылить все, что копится в душе. Попытаться прорвать ту дамбу, что она

построила, и через которую я из раза в раз быюсь.

Однако, я дам паузу нам обоим.

Сейчас я сделаю все как надо. Я приму те решения, которые в любом случае нас не должны отдалить. А напротив, я снова добьюсь этой женщины, даже если и имею на это один шанс из миллиона. Ведь однажды, Антипов, ты уже победил. Значит, сможешь победить и сейчас. Даже самого себя.

Глава 19.

Внутри всё обрывается, как будто мир вокруг меня рушится. Я еду со скоростью всего двадцать километров в час, каждое мгновение сковываясь ужасом перед возможной аварией. Мои руки трясутся от волнения, дрожь охватывает всё тело, а страх заполняет пространство вокруг меня.

Сзади постоянно сигналият — звуки в буквальном смысле проникают в мое сознание, но вместо раздражения я ощущаю лишь пустоту, словно меня унесло в другое измерение, где нет забот и суеты.

Поставить точку в жизни так сложно! Когда я принимала решение о разводе, мне казалось, что мы с Яриком просто идём разными путями. Но увидеть его рядом с другой женщиной — с той, что ждёт от него ребёнка...

Это как острое лезвие, пронзающее мой живот. Мы с Яриком прошли вместе так много, он сделал для меня даже больше, чем должен был. Я благодарна ему, но эта благодарность переплетается с горечью.

Паркую машину у дома, бреду в квартиру, словно во сне. Холодный душ не отрезвляет, а лишь заставляет ещё больше страдать. В квартире царит гнетущая тишина, и я понимаю, что мне нужно подготовить мальчиков к этой новости.

Сева, возможно, воспримет это более-менее адекватно, но Илья... О, как же это будет трудно. Но ради детей я больше не

могу терпеть унижения, которые стали частью нашей жизни. И эта капля разочарования не только в том, что Ярик позволил себе предать меня, но и в том, что он заставил её делать аборт. Ярик всегда мечтал о семье, любил детей, а теперь — он мог привести кого-то к убийству собственного ребёнка...

Комната вокруг меня, похоже, начинает расплываться. Я понимаю, что многое в жизни я не замечала, возможно, просто не хотела замечать. Удобно было скрываться в панцире, создавая иллюзию спокойствия.

Резкий звонок в дверь оглушает, как удар грома. Я не хочу вставать, не хочу никого видеть. Ноги будто приковали к полу, а голова разрывается от множества мыслей.

Они сжимаются, как тиски, и кажется, вот-вот череп лопнет от этого давления.

— Добрый день! Марьяна Антипова? — разносится голос курьера, как будто из далекой реальности.

Я лишь киваю, не имея сил даже произнести приветствие.

— Тогда это вам, — говорит он, и в его глазах нет обиды на мою невежливость.

Он открывает дверь пошире, показывая огромные корзины алых роз. Яркие цвета вызывают у меня тошноту, а некогда красивые цветы кажутся ядовитыми, как напоминание о том, что произошло.

— Можете это убрать? — наконец, мой голос прорезается сквозь тишину. — Мне они не нужны.

Курьер теряется, разводит руками, нервно подрагивая.

— Я не могу, — в его голосе слышится горечь. — Меня могут уволить, если узнают...

— Ох... — я потираю ладонями лицо, пытаюсь справиться с растерянностью и гневом, — Ладно, я сама. Спасибо!

Дверь захлопывается за мной, и я натягиваю пальто на домашний костюм, беря первую корзину, чтобы отнести ее куда следует. Цветы не виноваты, но смотреть на них тошно. Если кто-то из соседей захочет их забрать, пусть берёт. За первые десять минут они разлетятся по квартирам, лишь бы не оставались в моем доме.

Я касаюсь дверной ручки, но в этот момент с той стороны меня опережают...

Ярик стоит передо мной растрепанный, взволнованный, и его лицо выражает ужасное подавленное состояние. Видеть его сейчас — последнее, чего мне хочется. Молча толкаю его в грудь, стараясь выбросить из квартиры, но как же моя хрупкая фигура может противостоять его метру восемьдесят?

— Что ты творишь с нами, Марьяша? Зачем ты так? Я же от чистого сердца...

Он действительно в полном шоке, не может поверить, но начинает осознавать, что всему конец. Я чувствую его растерянность и вопиющую боль, но в ответ слышу только свой внутренний голос, который говорит: «Уходи».

— Уходи, пожалуйста. И никогда не возвращайся. Цветы не нужны мне, ничего не хочу от тебя, Яр. Просто уйди.

— Из твоей жизни?

— Да. Это будет лучшим подарком.

— Как я могу уйти от женщины, которую безумно люблю? Как ты себе это представляешь? Я сдохну.

— Тогда сдохни, — безразлично пожимаю плечами, хотя внутри у меня бурлит отчаяние, — Если это поможет оставить меня в покое.

Эти слова выступают из губ, они словно термиты, грызут меня изнутри.

— Может, дело в том, что я изначально не должен был на тебе жениться...

— Жалеешь, что потратил двадцать лет?

— Нет, это были лучшие годы жизни рядом с любимой. Но ты ведь не любила меня никогда. Я даже ночами первое время просыпался, боялся услышать его имя во сне.

— Что ты несёшь? — в голосе моём начинает слышаться паника. Если он начнет развивать эту тему, я окончательно сойду с ума, — Зачем ты вспоминаешь...

— Потому что мне больно, Марьяна.

— Думаешь, мне не больно?

— Я хотел тебя с того самого первого дня, как увидел. Сразу себе сказал, что эта яркая, красивая девушка будет моей. Но только вспомни, как ты мне досталась. Я же тебя выгрызал у другого, собирал твоё разбитое сердце по кускам, латал его, целуя и обещая тебе дать всё. И я дал, Марьяш. Всю жизнь всё делаю только для тебя, лишь бы ты о нём не вспоминала.

— Хватит! — кричу на весь коридор, закрывая уши. Тело вибрирует от боли, как будто весь мир обрушивается на меня, — Замолчи!

— Видишь? — тычет в меня рукой, — Ты его не забыла... Даже слышать правду не хочешь. Марьяна, я все двадцать лет в браке жил с женщиной, которая любит другого.

— Это неправда! — налетаю на него, стуча ладонями по его твердой груди, как будто пытаюсь пробудить понимание, — Заткнись! Это всё чушь... Если бы я хотела, я бы ушла давно. К нему или к другому... Неважно. Но ушла бы от тебя. В чем ты меня упрекаешь? Когда ты умолял выйти за тебя, я разве не говорила, что чувств нет? Говорила. Ты обещал, что сделаешь всё, чтобы я полюбила тебя. И ты правда сделал всё, Ярик! Я полюбила. Пускай не такой яркой любовью, как тебе хотелось бы, но я уважала тебя, заботилась о тебе, родила тебе сыновей...

Дышать становится совсем трудно. Воспоминания затмевают реальность.

— Сына, — поправляет он, совершаем последний удар в мое сердце.

— Что? — неверяще переспрашиваю, не в силах поверить в то, что он сказал.

— Ты родила мне сына, Марьяна. Ведь я уже взял тебя беременной, так что фактически... Думаешь, любой мужчина может принять чужого ребенка? Нет, только тот, который любит женщину по-настоящему.

Моя рука поднимается автоматически и со звоном опускается на его щеку. Гад! Ненавижу!

— Мам, что это значит? — голос старшего заставляет меня замереть на месте. Тело не двигается, словно в ступоре, — Почему папа так сказал?

Сева в отчаянии заходит в квартиру. Он вероятно стал свидетелем нашего разговора с мужем, потому что дверь была приоткрыта.

— Сынок... — боль в моем голосе становится нестерпимой, словно острие ножа.

— Сын, — Ярик понимает, что натворил, но уже поздно, — Я не хотел, чтобы ты узнал вот так. Я вообще не хотел, чтобы ты знал...

— Знал что, пап? Что я оказывается не твой сын?

Я оседаю на пол, рыдая навзрыд. Я правда больше не могу. Это слишком для меня. Так жалко моего любимого мальчика.

Глава 20.

Сдерживаю рыдания кусая руку, а сама снизу украдкой смотрю на сына.

В его глазах сейчас такое разочарование, что я ощущаю, как воздух становится душным и тошнотворным. Яр стоит прикрыв глаза, и только после поворачивается к ребенку.

— Сев, — вижу, что пытается подобрать слова, но это невозможно.

Я предала сына, и предавала по сей день. Вот, что я сейчас вижу в глазах своего первенца, которые даже не смотрят в мою сторону.

— Я так понимаю, что говори

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.